

Сводные

Автор:

Виктория Лукьянова

Сводные

Виктория Лукьянова

Наши родители поженились, когда мне было шесть, а ему двенадцать. Он сын школьной учительницы, я дочь бизнесмена. Между нами слишком много «но»... И слишком много детских обид и ошибок, из-за которых теперь мой сводный брат меня ненавидит. Я пытаюсь отвечать ему тем же. Пытаюсь заставить себя возненавидеть его, но мои чувства к нему сильны и очень опасны... Я люблю его. Люблю и боюсь признаться в чувствах. Но сможет ли он простить меня и полюбить?

Виктория Лукьянова

Сводные

Пролог

Он не стучит. Не ждет на пороге или вовсе, как это обычно бывает, игнорирует мою комнату и быстрым бесшумным шагом проходит по коридору, направляясь в свою спальню.

Он врывается как вихрь.

Дверь бьет о стену, вынуждая меня вздрогнуть и подскочить. Я ждала его появления, но не была готова. Разве к такому можно вообще подготовиться?

Его лицо, всегда кажущееся спокойным и безучастным, сейчас отражает весь спектр эмоций. И эти эмоции совершенно не положительные. Гнев. Ярость. Злость. И, кажется, немного боли... В последнем я могу заблуждаться. Яр для меня всегда был закрытой книгой, а мои способности различать чужие чувства и того хуже – я слишком сосредоточена на себе, чтобы замечать других...

Он преодолевает разделяющие нас метры с бешеной скоростью.

Я пытаюсь дышать и не показывать страха, но он отчетливо отражается на моем лице. Сводит скулы от поджатых губ и напряженных челюстей.

– Ты, – рычит Яр, бросаясь на меня как разъяренный тигр.

Блеск его очков гипнотизирует, и я не сразу понимаю, какой именно маневр совершает брат. Но когда его рука оказывается на моем горле, а спиной я ударяюсь о стену, мне становится по-настоящему страшно. Между лопаток жжет. Но не от удара. Я не замечаю физическую боль. Иное саднит и кровоточит. Кажется, брат ошибается... Я не бессердечная сука. У меня есть сердце, которое ударяется о ребра и колотится как отбойный молоток. Вот-вот вырвется наружу, раскрошив кости, и я докажу брату, как он сильно заблуждался. Всегда заблуждался.

– Ярослав, – хриплю, но не пытаюсь сбросить его руку. Он лишь держит, но не душит. По его глазам читаю – еще один неверный шаг и его пальцы сомкнутся крепче.

– Молчи, – шипит, впиваясь ногтями в кожу.

Я начинаю паниковать. Он никогда так не поступал. Как бы я себя не вела, какие бы поступки не совершала, он терпел. Всегда терпел. Но видимо, и его чаша имеет право переполниться. И сейчас я пожинаю плоды собственных поступков. Ошибок. Их слишком много.

Я шумно глотаю, радуясь – воздух все еще без проблем поступает в легкие и обжигает. На глазах против воли выступают слезы. Но он не верит моим слезам. Никогда не верил. Маленькая врунишка – так называл меня сводный брат, когда мне было шесть, а ему двенадцать.

Эгоистка, стерва, дрянь – когда я отметила пятинадцатилетие.

Сука – а это уже сейчас, после его возвращения домой.

– Зачем? – выдыхает, продолжая держать меня в западне.

Его лицо слишком близко к моему. Я чувствую горячий воздух, пропитанный кедровыми нотками его парфюма и остатками сигаретного дыма. Яр начал курить в шестнадцать. Я поймала его и сдала родителям. Наши отношения ухудшились намного раньше. Но чтобы я не делала, как бы ни подставляла его – специально или случайно, как с сигаретами, – он никогда не отвечал мне тем же. Терпеливо игнорировал и проходил мимо, не замечал... Я всегда была пустым местом для брата. Брат... Даже так нельзя называть его. Он запретил...

– Это тебя не касается, – шепот вместе с воздухом срывается с губ.

Но Ярослав не принимает ответ, как и не верит мне. Никогда не верил. Сейчас бесполезно утверждать обратное.

– Заблуждаешься! Еще как касается! Касается нас двоих. Поэтому говори. И постарайся больше не лгать. – Подтверждает мои мысли и давит на горло. Вот теперь воздух с катастрофической скоростью заканчивается, и я начинаю хлопать губами, жадно глотать пустоту. Наверное, со стороны выгляжу как рыба, выброшенная на песчаный берег. Плевать! Мне плевать. Я просто хочу, чтобы он прекратил.

– Яр. – Хрип вместе с остатками воздуха срывается с губ. – Пожал... ста... Прекрати...

Он держит. Не отпускает.

Слезы жгут щеки. Я отбиваюсь. Поднимаю руки, хватаю его локоть. Дергаю. Но безрезультатно. Брат никогда не был крепким парнем. Ботаник в очках – этакий шаблонный персонаж. Но за несколько лет он сильно изменился. И теперь под светлой кожей с темными волосками и проступающими венами таится пугающая сила. Я вижу, как мышцы на его руке напрягаются. Словно канаты натянуты жилы. Он давит, не жалея меня.

Неужели это все?

С губ срывается поверженный всхлип.

Рука Ярослава расслабляется, но не отпускает.

– Ненавижу тебя. – Слова как похоронный марш вырываются из него. Теперь точно точка. Это финал, и я проиграла. Вновь.

– Прости, – тихий шепот и до сих пор неизвестное слово слетает с посиневших губ. – Прости. Прости... – как заведенная повторяю, перехватывая дрожащими пальцами его запястье.

Пuls. Я чувствую, как колотится мое сердце. Бешено и бесконтрольно. Его сердце не отстаёт.

– Заткнись, Арина, – произносит брат, вынуждая меня захлопнуть рот и уставиться на него.

Через пелену слез его лицо кажется размытым, и я щурюсь, пытаюсь отыскать столь дорогие и родные черты. Но его образ уплывает от меня, и я закрываю глаза, надеясь, что когда распахну их, то вновь четко смогу различать привычные очки в металлической оправе, которые так идут брату. Его тонкие бледно-розовые губы и еле заметную щетину, к которой так и хочется прикоснуться. Проверить, оставит ли она следы на моей коже. Хотя что-то... Я так хочу, чтобы мне досталось от Яра хоть что-то... Жалкая крупца, но моя личная...

Я одержима им. Наверное, даже люблю...

Но он ненавидит меня. Всегда ненавидел.

– Черт! – рык срывается с его губ, и я открываю глаза, чувствуя, как рука, удерживающая мое горло, внезапно исчезает. Но вместо того, чтобы встретиться с ним взглядом или вдохнуть полной грудью, я распахиваю глаза от ужаса, и вижу, как в мою сторону летит кулак. Он пролетает мимо. Буквально считанные миллиметры, и вонзается с глухим стуком в стену.

Я громко ахаю и смотрю на Яра, и не узнаю его. Будто вижу впервые, будто не было двенадцати лет, которые мы знали друг друга.

Чужие. Мы всегда были друг другу чужими.

– Яр, – шепот срывается с губ с тихим всхлипом.

Он поднимает глаза и встречается с моими, наполненными слез и страха.

– Арин, я...

Он больше не говорит. Я вижу, как его губы подрагивают в безмолвной тишине. Кажется, он хотел бы что-то сказать, возможно, как и я. Но я не нахожусь со словами, покинувшими мою голову, как и мысли, и оставившими в черепной коробке звенящую пустоту. А Ярослав вовсе пугает, сокращая между нами расстояние до критического малого. Я вновь жмурюсь, ожидая нового удара или злого рыка, но удивленно распахиваю глаза, ощущая, как мои губы что-то обжигает.

Его губы... Они сминают мои, рвут на жадные поцелуи. Нет, даже не поцелуи. А что-то похожее на яростное вторжение. На проникновение языком, на ворованный воздух. Я выдыхаю и теряю контроль над собой. Мое тело превращается в неподвижную статую из цельного куска льда, когда мой неприступный сводный брат объят адским пламенем. Его пальцы вонзаются в мою талию. До боли. До немногого ругательства. Но я лишь глотаю слезы и позволяю ему вторгаться в себя. Рвать жадно губы, разводить коленом мои ноги.

Это ведь то самое? В голове хаотично мечутся мысли. Я должна заставить себя двигаться. Оттолкнуть его, потому что то, как трогает Яр, мне не нравится.

Слишком опасно. Слишком яростно...

Или наоборот привлечь его еще ближе, словно попытаться срастись с ним телами...

Ведь я этого хотела? Несколько лет, с тех самых пор, когда девочки начинают мечтать о мальчиках...

Я всегда мечтала о своем сводном брате. Он был для меня идеалом мужчины. Тем, кому я бы хотела подарить первый поцелуй, первую ночь...

Но то, что творится между нами сейчас похоже на наказание. Для нас двоих...

Глава 1

– Смотри, вот это или это?

Луиза тыкает ногтем в экран своего планшета, заставляя и меня повернуть голову и посмотреть на то, что она планирует приобрести. Сегодня у нас день шопинга. Онлайн-шопинга. Обычно мы предпочитаем выбираться в торговый центр или ездить по различным бутикам на новенькой красной машинке подруги, но в этот раз решили отказаться от многочасовых походов по магазинам и заперлись в комнате Луизы в ее родительском доме.

– Вот это. – Указываю на бледно-розовое платье на тонких бретелях и с кружевной отделкой. Как раз в духе подруги – миленькое, нежное и что-нибудь миниатюрное.

Она хищно скалится и отправляет еще одну будущую покупку в виртуальную корзину. Я замечаю, как счетчик приближается к двадцати.

– Может, хватит? – Киваю на цифру, на что получаю залиvistый смех подруги и яркие огоньки в глазах.

– Неа, я только разогреваюсь, – заявляет она, открывая новую страничку. – Теперь нужно найти босоножки под это платье, – с гордостью произносит, вызывая во мне усмешку.

Из нас двоих, школьных подруг, манией к трате родительских денег страдает лишь Луиза. Но она может позволить себе немного прибарахлиться, впрочем, могу себе позволить и я. Но в последнее время у меня появилось стойкое желание завернуться в плед, взять кружку с какао и посмотреть сериалы. Кажется, это отходняк после стрессовых экзаменов. Но теперь когда все позади, я не чувствую прилива бодрости. Словно что-то темное и неизвестное гложет меня и тянет на дно.

– Эй, а как тебе вот эти? – восторженно произносит подруга и уже тыкает экраном в мой нос. Я вовремя успеваю отклониться назад, чтобы не получить по лицу и хмурю брови, гипнотизируя шпильки.

– Ты говорила про босоножки, – напоминаю подруге про ту часть обуви, которой по ее заверениям в гардеробной комнате не хватает. В последнем она, конечно же, преувеличивает. У Луизы как минимум пятнадцать пар босоножек, но ей всегда мало.

– Но смотри какие туфельки! – бормочет она, продолжая рассматривать экран. – У меня аж слюноотделение началось.

– У тебя этот физиологический процесс продолжается уже час. Может, нам лучше поесть?

Луиза усмехается и просматривает новые снимки туфелек на шпильке. У нее как и у многих других есть слабость. Но лично у Луизы эта слабость заключается в высоте каблука. При росте в сто пятьдесят три сантиметра она считает себя слишком низкой, чтобы выбирать практичную обувь, а не ту, на которой можно переломать косточки. Я же выше подруги и поэтому чувствуя себя вполне комфортно, но ровно до того момента, пока она не начинает указывать на нашу разницу в росте.

– Давай пиццу закажем, – бормочет подруга, отправляя туфельки в корзину. Двадцатая будущая покупка. – Сейчас еще босоножки поищу, и я буду готова к употреблению калорий, – показывает мне ряд ровных белых зубов и,

усмехнувшись, возвращается к онлайн-магазину.

Я соглашаюсь и на пиццу, поднимаясь с постели подруги, и шаркаю босыми ногами по ковровину с длинным ворсом. Мне нравится, как он щекочет пятки, и как ноги легко ступают по мягкой поверхности. Пожалуй, приобрету себе небольшой коврик, чтобы наслаждаться по утрам приятной прогулкой по комнате.

Добравшись до комода, куда я бросила сумочку, достаю телефон и, разблокировав экран, замечаю пропущенное сообщение от Марины.

Марина моя мачеха, с которой у нас за двенадцать лет, как она сошлась с моим отцом, сложились вполне дружелюбные отношения. Мы не породнились, как это могло бы произойти между дочерью и матерью, и не стали хорошими подругами, как с Луизой, но то, что было между нами, вполне терпимые почти родственные отношения. Она любит меня и заботится, даже порой защищает перед отцом, если я что-нибудь сделаю такое, отчего в иной раз можно было бы схлопотать ремнем по заднице. Но и я стараюсь держать между нами достаточную дистанцию, чтобы не забывать – Марина не моя мать и никогда ее не заменит.

Нажав на иконку, я проваливаюсь в папку с входящими сообщениями и бегло просматриваю пару строчек. Их смысл доходит не сразу, но когда мозг наконец-то начинает выполнять свою непосредственную прямую функцию, я нервно заглатываю слюну и вновь перечитываю.

– Кажется, я больше не хочу есть, – произношу, рассматривая как загипнотизированная единственное слово, которое цепляет и не отпускает. Его имя.

– Что случилось? – Где-то на периферии слышится голос Луизы, которая подскакивает и приближается ко мне.

Я не успеваю отреагировать на ее вторжение в личное пространство, и она ловко отбирает мой телефон и изучающе рассматривает сообщение от Марины.

– Вау! – слышу ее неподдельный удивленный вскрик и вздрагиваю, отмирая и оборачиваясь.

Луиза возвращается в постель, плюхается на пятую точку и глупо хихикает. Я вижу, как на ее лице растягивается та самая плотоядная улыбочка, когда моя подруга замечает новую цель, в которую направит свои острые коготки. Сейчас этой целью становится Ярослав.

– О мой бог, – шепчет она, поднимая на меня глаза. – Неужто сам ледяной принц соизволил навестить скромный отчий дом?

Она, конечно же, драматизирует, но во мне рождается желание улыбнуться. Пусть и выходит это в итоге криво. Я возвращаюсь к подруге, занимаю место рядом и осторожно отбираю свой смартфон, пока она не догадалась залезть туда, куда пронырливой подруге не стоит совать миленький маленький носик.

– Да, соизволил, – голос немного хрипит, но подруга не замечает перемены настроения. Я уже с утра была немного не в духе, поэтому мы и ограничились онлайн покупками, вместо запланированных покатушек на весь день.

– И я так понимаю, уже сегодня? – томно произносит она, прикасаясь к моему плечу щекой.

Приходится согласиться, медленно кивнув. Сердце отчего-то нещадно начинает стучать. Волнение волной разливается под кожей.

– И у вас будет семейный ужин?

– Так написала Марина. – А тут я пожимаю плечами, пытаюсь совладать с эмоциями и не выдать своего страха. Для Луизы мое отношение к брату кардинально иное, чем то, что я чувствую по-настоящему. Но я умею хранить тайны и никогда никому не признаюсь. Потому что боюсь... Черт! Как же я боюсь саму себя.

– А там лишнего столового прибора на одну очень хорошую подругу случаем не найдется? – подмигивает, заглядывая в мои глаза. Как щеночек, ей богу! Так и хочется сказать да и позволить бестии ворваться в мой дом. Яр явно не оценит гостя за столом.

– Прости, но нет, – отвечаю, и слышу, как шумно вздыхает Луиза. Наигранно обижается, отворачиваясь, и тянется к своему планшету.

– Ну и вредина ты, – смеется она, разблокировав экран. – Хоть так полюбуюсь, – произносит и до того как я успеваю понять о чем идет речь, Луиза уже ищет моего брата среди ее друзей в инсте.

Да, с некоторых пор он стал вести жизнь в социальных сетях. Фотографий там мало, историй и прочего и того меньше, а если и есть новости, то обычно от его друзей или той компании, которую он затеял пару лет назад. Я пытаюсь признаться себе, что слежу за братом. Но от осознания мысли, что зарегистрирована там под чужим вымышленным именем, становится дурно. Попахивает каким-то извращением. Но мера вынужденная, и лишь это успокаивает мою совесть, пусть другие в ее наличие и не верят. Яр ни за что бы на свете не позволил мне следить за его жизнью. На пушечный выстрел бы не подпустил, а так со стороны, одним глазком... Пожалуй, вот и еще одна тайна, тщательно оберегаемая мной...

– О, какой он стал, – тянет Луиза, выдыхая. Я слышу приторные нотки, проскальзывающие в ее выражении, и ничего хорошего они не сулят. – Красавчик! Слушай, я же говорила, он еще тот ледяной принц. Какие плечи! Это где он? – он указывает на снимок, на который я залипала несколько дней подряд.

Я почти неуловимо отправляю слюну в пустой желудок и медленно поворачиваю голову. Бросаю незаинтересованный взгляд и пожимаю плечами.

– Без понятия. Он передо мной не отчитывается.

– Хотя без разницы где, – соглашается Луиза, явно пытаясь сохранить нейтралитет в этой бесконечной молчаливой войне. – Но он хорош без футболки.

Смешок срывается с губ.

– С каких пор тебя интересуют дохляки? – говорю небрежно и явно преуменьшаю достоинства брата. – Помнится, твой идеал голубоглазый блондин с широченными плечами. Как тот, из тренажерки.

Луиза изгибает темную бровь и отмахивается.

– Мне, конечно, нравятся качки и мажорчки, но вот такие парни как твой брат стоят на отдельном пьедестале.

– Почему? – а вот сейчас удивляюсь искренне. Что ее могло зацепить в моем брате и стоит ли расценивать подругу как некую соперницу в моем тайном обожании?

Луиза вновь смотрит на снимок, явно увлекаясь тем, на что я сама капала слюной, и задумчиво произносит.

– Он другой, Арин. Понимаешь, в нем есть нечто такое, за что хочется ухватиться и не отпускать. Ты только его успехи в школе вспомни. Все олимпиады его. Золотая медаль. Лучший университет страны и без отцовской протекции. Все сам. Своими мать его офигенными мозгами. Он же чертов гений! А что в итоге? – с пылом выдает тираду, ошарашивая меня до немого хлопанья губами. – Их стартап сделал его молодым миллионером. Заметь, опять все сам. Без твоего отца.

А вот тут подруга права. Во всем права, отчего мне становится стыдно и дурно. Я родилась дочерью бизнесмена. Вполне удачливого и имеющего хорошее финансовое состояние. Ярослав и его мать, школьная учительница, долгие годы не знали, что такое дорогие шмотки или полный холодильник качественных продуктов. Его до двенадцати растила только мать, и когда Ярослав и Марина оказались на пороге нашего загородного коттеджа, он выглядел так, словно планировал наняться на грязную работу за три гроша, а не стать членом нашей семьи. Высокий, тощий и в огромных некрасивых очках. Это уже позже в нем появился лоск, а характер и воспитание сделали его сдержанным, немногословным чертовым ботаником, в гениальность которого верили все, кроме меня. Я же предпочитала обзывать его и доставать, отрицая его таланты. Хотя, именно гением и был мой брат.

– С чем его и поздравляю, – надменно произношу, выбрасывая из головы непрошенные мысли.

– Смотрю, ты не в духе, – приглушенно произносит Луиза, отодвигая в сторону экран с фотками моего брата.

– Да, сорри, – усмехаюсь, хотя я нисколько не сожалею. В груди неприятно щемит. – Мне еще терпеть его вечно недовольное лицо весь вечер. – Гримасничаю, пытаюсь изобразить выражение, с которым брат обычно смотрит на меня. – И я очень надеюсь, что он не задержится у нас надолго.

Я лгу. Каждое слово, вырывающееся из моего рта – чистейшая кристальная ложь. Я хочу не только его увидеть, но и услышать голос. Заглянуть в холодные карие глаза, невзначай дотронуться. Сделать хоть что-нибудь, что сблизит нас... Хотя бы на одну гребаную секунду. Но он не подпустит. Да и я не осмелюсь. Трусливая и лживая Арина. Его ненавистная сводная сестра, которую Яр предпочитает вычеркивать из своей жизни. Всегда.

– Пожалуй, мне пора. – Я поднимаюсь и одергиваю свой сарафан, задравшийся и чуть мятый по бокам.

Хочу вернуться домой раньше, чем он приедет, привести себя в порядок и не выглядеть как девчонка, которая без пяти минут отметила совершеннолетие и наконец-то получила школьный аттестат. Хочу стать хоть чуточку старше в его глазах. Взрослее. Возможно, это что-то поменяет.

Но не уверенности мне не хватает, а банальной возможности отмотать время вспять, отыскать ту себя в прошлом, девчонку, которая всеми силами пыталась привлечь внимание парня, и поступала порой дурно и не справедливо.

Я все портила сама. Много-много раз.

Глава 2

Луиза порывается отвезти меня домой, но я отказываюсь от ее помощи и вызываю себе такси. Подруга деланно дуется, но не обижается. Ей нравится ездить, она и права получила раньше всех, а на свое совершеннолетие родители подарили ей ту самую красную машинку. Водить у нее получается на удивление отлично. Словно была рождена для этого. Я же пока не решаюсь записываться в автошколу. Будет время, еще успею. А вот отец порывался купить мне машину

на восемнадцатилетие, после того как ему хвасталась Луиза, но я отказалась от подарка, предложив вложить эти деньги на счет. Мало ли... Отец с моими доводами согласился, при этом удивленно округляя густые черные брови – мол, моя девочка в кои-то веки выдала умную мысль. И я очень надеялась, что он не поделился тем нашим разговором с Мариной, а она уже с сыном. Не хватало еще презрительных взглядов от Ярослава. Уверена, вот он сможет меня подколоть каким-нибудь гадким замечанием.

Я постукиваю по бедру пальцами, пока автомобиль паркуется напротив нашего дома. Выбираюсь из салона и, стараясь сохранить видимое спокойствие, приближаюсь к дому. В груди сердце продолжает от волнения отплясывать чечетку. Я прокручиваю в голове список дел, которыми нужно срочно заняться – принять душ, подобрать одежду и сделать сдержанный макияж, чтобы выглядеть перед Ярославом вполне опрятно и по-взрослому, но все мысли улечиваются в миг, когда я вхожу в дом и вижу на пороге чемодан.

Мои глаза скользят по темно-серой плотной ткани, цепляются за металлическую ручку и кожаную оплетку. Подняв голову, я замечаю чужую спину, затянутую голубой тканью футболки.

В горле поднимается ком, который я судорожно пытаюсь запихнуть обратно в желудок.

Он приехал. Черт! Раньше времени! Марина же писала про ужин... Или она имела в виду, чтобы я вернулась домой до ужина, а брат прилетит раньше? Пока я пытаюсь сообразить и вспомнить сообщение, которое до этого момента прочитала несколько раз, фигура передо мной оживает и медленно оборачивается.

Наши глаза пересекаются как две шпаги. Мои – ошарашенные от неожиданной встречи. Его – ледяные и пустые.

– Привет, – против воли вырывается слово, на которое Ярослав никак не реагирует. Впрочем, он никогда со мной не здоровается. Словно это запрещено в его каком-то внутреннем уставе. – С приездом. – Пытаюсь взять себя в руки и делаю шаг вперед, огибая чемодан.

Ярослав следит за мной. За каждым чертовым движением, отчего мне становится неудобно. Я чувствую, как по коже мчится табун мурашек, именно там, где касается взгляд карих глаз. Сначала мое лицо пронзает стая ледяных снежинок, сползает ниже и тянется следом по шее, по пульсирующей вене, до плеча и ключицы. Думаю, он немного удивлен увидеть меня именно такой – в легком сарафанчике, который едва прикрывает грудь и бедра. Хлопковая белая ткань не обтягивает тело, но если присмотреться, то можно увидеть кромку белья. Да, он замечает. Я чувствую, как его взгляд запинается и непозволительно долго держится на груди.

– Как долетел? – Пытаюсь разорвать повисшую между нами паузу и заставить брата наконец-то заговорить, но он неторопливо поднимает глаза и отвечает так, что хочется заткнуть уши и уйти.

– С каких пор тебя это волнует? – Режет словами как острым ножом.

Я поджимаю губу, заставляя себя сдержаться и не выплюнуть что-нибудь мерзкое в ответ. Пожимаю плечами и прохожу мимо, все еще чувствуя его взгляд на себе, но теперь на ногах. Да, сарафан почти не прикрывает мои ноги. И, наверное, за год, который мы не виделись, я изменилась. Я надеюсь на это. Потому что, кажется, все еще меняюсь. Хочется одернуть подол и прикрыть зад. Жду, когда следом прилетит что-то из разряда «шлюха», но Яр молчит.

– Не волнует, – я все-таки отвечаю, оборачиваясь через плечо. – Так, чтобы поддержать диалог, – усмехаюсь, встречаясь с его глазами.

– Сынок! – голос Марины разрывает зрительный контакт и спасает нас от перепалки.

Женщина торопливо перебирает ногами, хлопая тапочками по мраморному полу, и подлетает к Ярославу, который выше матери почти на голову. Наверное, ростом пошел в своего отца, которого я видела лишь раз на старой фотографии. Как раз из тех случаев, которые выходили мне боком. Тогда Яр вышвырнул меня из своей спальни и запретил приближаться к его вещам. А после я заложила его, когда он сцепился в школе с парнями из параллельного класса. Да, даже ботаникам доставалось, особенно тем, которые в одночасье начинали хорошо жить.

Я отворачиваюсь, бросаю взгляд на спешащую Марину и прохожу мимо, кивнув ей. Но неожиданно ее голос заставляет меня замереть у лестницы.

– Арин, подойди к нам.

Я вынуждена повернуться всем корпусом и уставиться на женщину, в глазах которой стоят слезы радости. Он машет и подхватывает меня под локоть, обнимая второй рукой сына. Ярослав молчит, но я замечаю, как меняется его лицо. Только что было довольным и даже светлым от мимолетной улыбки, и вот он опять скован коркой льда. Я невольно делаю шаг навстречу, но замечаю – он качает головой, словно заставляя меня замереть на месте и не нарушать его границ.

– Да, – учтиво интересуюсь, что же Марине могло понадобиться от меня.

– Я так рада, что вы оба наконец-то дома, – выдыхает она, явно не замечая, какое напряжение искрит между мной и ее сыном. – Вы же оба будете на ужине?

Я киваю, Ярослав тихо отвечает.

– Ну и отлично, – Марина сияет как рождественская елка. – Давай, хватай свой чемодан. Пойдем к тебе в комнату. Там ничего не поменялось, – радостно восторгается она, следя за сыном.

Ярослав подхватывает чемодан – легко и быстро, и следует за матерью по лестнице на второй этаж. Проходят мимо меня, и я смотрю в спину Марины, но она не замечает моего взгляда. А вот Ярослав, кажется, видит все – наши глаза вновь цепляются как репейники друг за друга. Он на мгновение замирает напротив меня и, чуть наклонившись, произносит фразу, вызывая во мне жгучее желание ударить его.

– Не мешайся под ногами, сука.

Сердце ударяется о ребра. Я молча глотаю оскорбление и провожаю его широкую спину. От синевы его футболки болят глаза.

Я продолжаю стоять у лестницы, пока они не скрываются в коридоре на втором этаже. Стою даже тогда, когда наверху хлопает дверь. Стою и после. Тело парализует страх и отчаяние. Слезы жгут глаза. Неужели ничего не изменилось?

Я шумно выдыхаю и вздрагиваю, когда слышу свое имя, раздающееся откуда-то позади. Словно через вату доносятся чужие шаги, и быстро моргаю, пытаюсь прогнать непрошенные слезы.

– Арина, добрый день. – Голос нашей домработницы Валентины звучит вполне добро и бодро.

Я неуверенно оборачиваюсь, не зная – не отражается ли на моем лице боль. Но судя по тому, как она лучится счастьем, Валентине явно не до меня. Все мысли женщины сосредоточены на Ярославе – об этом она сразу же говорит, поправляя манжеты своего рабочего костюма.

– Как я рада-то, что наш парень вернулся! – отзывается Валентина, поглядывая на лестницу. – Марина Сергеевна попросила сегодня приготовить королевский ужин.

Я киваю, глотая ком. Ужин. И как пережить еще вечер с ним? Хорошо, что не наедине. Иначе все закончится поножовщиной фамильным серебром. Ладно, я привираю. Серебро не держим, а вот столовые приборы из какой-то жутко дорогой французской коллекции имеются. Он считает, что есть нужно их хорошей посуды – тогда и еда кажется вкуснее. В последнее время я вовсе не чувствую вкуса еды. Нервы после экзаменов дают о себе знать каждый день.

– И ты так вовремя вернулась.

Она переводит взгляд серых глаз на меня и оценивает мой вид. Еле уловимо качает головой, явно не одоблив длину сарафана. Что же... Теперь и я не рада, что выбрала именно это платье для выхода. Все еще чувствую на себе его взгляд и помню, как он скользил по коже, оставляя ледяные царапины на шее и ключицах. – Вы успели увидеться?

– Да, – быстро отвечаю, делая шаг в сторону первой ступени. – Я пойду, – произношу, желая поскорее избавиться от Валентины. С ней у нас отличные отношения, но порой и эта женщина перегибает палку, намереваясь меня

воспитывать.

Но именно сейчас я не готова терпеть от нее нравоучений. Валентина что-то отвечает, вроде бы про ужин, но я лишь киваю в ответ и хватаюсь за перила.

Идти тяжело – ноги как деревяшки не сгибаются. Это волнение. Это просто эмоции, которые нужно отключать. Выдыхаю, я заставляю себя двигаться и поднимаюсь наверх, слыша, как Валентина удаляется на кухню. Пусть позаботится о царском ужине. Уверена, все будет на высоте, только вкус я вряд ли почувствую, как и не смогу проглотить ни кусочка.

Я прохожу по коридору почти бесшумно. Издалека слышатся голоса. Мне казалось, что дверь захлопнулась, но видимо не до конца. Поэтому я отчетливо слышу голос Марины – она задает вопросы и восторженно поддерживает беседу с сыном. Но вот его голоса я почти не слышу. Что же, он всегда говорит тихо, но вкрадчиво, словно пробирается под кожу. Я замираю около своей двери и смотрю на узкую щель. Голоса стали чуть громче.

– Представляешь, Ариша аттестат без троек получила, – хвастается Марина, на что получает приглушенное хмыканье.

Он веселится? Нет, насмехается! Ему плевать на мои оценки. Ярослав всегда говорил – у моего отца достаточно денег, чтобы я получила золотую медаль за спонсорские взносы.

Я сжимаю зубы до скрежета. Толкаю дверь и влетаю в свою комнату, с хлопком закрываю и жмурюсь, подавляя злость. Впереди меня ждут самые сложные дни.

Все начинается совсем не так, как я рассчитывала.

Минус десять баллов, Арина Николаевна.

Спускаться к ужину вовремя я не тороплюсь. За проведенные часы в своей спальне я успеваю обмозговать новый план. Получается с трудом, потому что Луиза намерена встряхнуть из меня душу и напрашивается в гости, и даже мои отказы ее не останавливают.

Отвечая на ее звонки и сообщения, я то и дело приближаюсь к двери и прислушиваюсь, но в коридоре царит мертвая тишина. Лишь изредка можно услышать шаги Марины. Яр предпочитает не выходить из комнаты как и я. Скорее всего, отсыпается после перелета. Так хочу думать, опускаясь на самый краешек постели и разглядывая разбросанные «наряды» для вечернего семейного ужина. С отцом я уже успела пообщаться – он будет дома ровно к восьми, поэтому искать поддержки у него не стоит. Он как и жена будет рад приветствовать в доме того, кто не доставляет проблем семье. Марина парит от счастья, что ее сын вернулся домой, и напроць не будет замечать моих стычек с Ярым. Поэтому приходится надеяться только на себя.

Вздыхнув и прогнав прочь из головы печальные итоги будущего ужина, я поднимаюсь и отметаю прочь любые мало-мальски симпатичные платья. Выбираю джинсовые шорты и футболку с рваными краями. Мы же дома ужинаем, а не в ресторан собираемся.

Затянув в хвост темные локоны, которые достают мне практически до поясицы, я засовываю босые стопы в тапочки и шлепаю вниз, не обращая внимания на собственное отражение, то и дело появляющееся в начищенных окнах, рамках и прочей пафосной фигне, которой обставлен дом. У отца и Марины вкусы схожи – умеют захламлять пространство ненужным мусором. Будь моя воля, половину вещей я бы выкинула. Я предпочитаю минимализм, поэтому в моей комнате все стоит на своих местах и нет ничего лишнего. В комнате Яра то же самое...

Я спотыкаюсь на этой мысли и замираю на лестнице. Нет, это лишь совпадение...

Спускаюсь вниз, чувствуя, как настроение стремительно падает к нулю. Уже в просторной и светлой столовой я выгляжу как депрессивный подросток, а не молодая совершеннолетняя выпускница. На лице отражается нежелание находиться тут, где уже собрались Марина и отец, сидящие друг напротив друга, Яр, что-то отвечающий моему отцу в тот самый момент, когда я вхожу, и пустое место как раз напротив него. Да уж, только Валентина могла так сервировать стол и подготовить места.

Отец бегло осматривает мой внешний вид и качает головой. Явно недоволен, но молчит. Как и Марина, вырядившаяся по случаю в скромное, но вполне приличное платье на широком поясе с рядом перламутровых пуговиц. Ее волосы собраны в тугий учительский пучок, от которого она так и не избавилась даже спустя много лет после того, как совсем ушла из преподавательской жизни и стала домохозяйкой. Привычка неплохая, и я не могу не отметить – такая прическа ей идет. Отец же выглядит немного расслаблено, но в светло-голубой рубашке он уезжал на работу и скорее всего просто не успел переодеться. На Ярослава я стараюсь не смотреть, но все же замечаю – даже он спустился к ужину вполне собранным. Волосы аккуратно причесаны, на носу прежние очки в тонкой металлической оправе. Плечи обтягивает рубашка в серую клетку, а длинные рукава закатаны и собраны на локтях. Немного небрежные вид лишь делает его еще симпатичней. И мне придется видеть его как минимум полчаса!

– Всем добрый вечер, – ворчливо произношу, огляывая стол. – Приятного аппетита.

В ответ я слышу смазанные приветствие от отца и приглашение за стол от Марины. Яр как обычно молчит.

Мысленно выругавшись, я занимаю свой стул и принимаюсь за еду, не извиняясь за опоздание и не обращая внимания на недовольную гримасу отца. Марина приглушенно выдыхает и качает головой. Стучат столовые приборы. Между нами повисает тишина. Я осторожно поднимаю глаза и встречаюсь со взглядом брата. Неужели он следит за мной все пять минут, которые я вынуждена торчать здесь? Или вновь случайность, от которой кусок застревает в горле. Я давлюсь и хватаюсь за бокал с водой. Залпом осушаю, пытаюсь протолкнуть кусочек в горле.

– Опять торопишься, – усмехается ласково отец. Видимо не понимает – его дочь может вовсе задохнуться. Вода помогает, но в горле нещадно саднит.

Я поднимаю глаза на отца и отвечаю, пытаюсь больше не кашлять.

– Я не тороплюсь. Так получилось.

Наверное глупо оправдываться и можно промолчать, но игнорировать отца не могу. Следом прилетает милая история Марины о том, как я подавилась в прошлом году. Им кажется милой, потому что они хохочут, я ворчу под нос,

надеясь что мои щеки не запылали от смущения и недовольства, а вот Ярослав вновь молчит. Ни один чертов мускул не дрогнул на его лице. Он словно не здесь. Аккуратно ест, аристократично пользуясь приборами. Я засматриваюсь на его руки и невольно повторяю. Но вовремя ловлю себя на мысли – я опять пытаюсь быть похожей на него.

Кажется, меня ловят именно на этом моменте. И нет, ни Марина или отец, потому что они увлечены воспоминаниями, которыми перебрасываются через стол как два фокусника, ловко вынимая из шляпы самые позорные обо мне, и самые лучшие о Яре. Брат. Меня ловит на подражании брат. Переводит взгляд с моих рук, которые зеркалят его движения, скользит выше, заостряя внимание уже на локтях и плечах. Качает головой, явно не будучи обрадован открытию, и пересекается взглядом со мной. Напряжение искрит и готово спалить нас к чертям.

Эта молчаливая битва длится от силы пару секунд, но мне кажется, что бесконечно. Первой сдаюсь я. Возвращаюсь к вилке и тарелке и молчаливо поддерживаю беседу с отцом и Мариной. Они задают вопросы, сами же отвечают, и к концу ужина у меня складывается впечатление – что я и Ярослав тут были лишними. Им не плохо и двоим. Но, возможно, все дело в другом. Они знают, что у нас не самые хорошие отношения, помня про ссоры в прошлом, и сейчас пытаются сгладить острые углы. Ох, надеюсь мирить нас не будут.

– Слав, а когда у тебя билеты обратно? – вдруг произносит отец, и я напряжено замираю. Что значит когда? Неужели он уже уезжает?

Я медленно поднимаю глаза и смотрю по сторонам, периодически скользя взглядом и по брату. Но он повернулся к отцу и не замечает меня.

– Через две недели, – произносит брат ровным голосом, а вот мой внутренний кричит во всю глотку. Что значит через две недели?! Я думала, что он пробудет дома до конца лета! Он же выгодно продал свой стартап, теперь в деньгах купается. Куда ему торопиться?!

– Ты в Москве удержишься?

Он отрицательно качает головой, а после добавляет.

– Нет, на пару дней. Не дольше. Потом улетаем в Пекин.

Сердце устремляется в горло и с размаху плюхается вниз. Живот сводит судорогой. Я нервно сглатываю и пытаюсь думать. Какой еще, мать его, Пекин?!

– Как жаль, – тянет отец, но явно преувеличивает. – Я думал, ты в Москве хотя бы на осень задержишься. Ариша поступает в МГУ. – Выдает мою тайну отец, отчего сердце начинает биться в пятках. Я перевожу взгляд на Ярослава, ожидая колкости, но он как и прежде игнорирует мое присутствие. – Нам с Мариной было бы спокойней, если бы ты за дочкой присмотрел.

Я чувствую себя так, словно меня нагишом вывели на площадь и после показательной порки планируют сжечь на костре. Щеки нещадно обжигает стыд. Уверена, сейчас Яр думает о том, сколько отец отвалил денег и, скорее всего, в зеленой валюте, за то, чтобы я поступила в престижный университет со своим-то аттестатом «без троек»! Он прекрасно осведомлен о моих «школьных талантах», и я не могу ничего противопоставить ему. Да, я действительно не шибко умная, если нас, конечно же, сравнивать. Среднестатистическая выпускница, которой для того, чтобы попасть в хороший вуз нужно обладать либо отличными показателями, либо как в моем случае – тугим кошельком. И я попала в МГУ по последнему пункту. Не тот конечно факультет, который оканчивал Яр, но и то, что досталось мне – достаточно, чтобы получить хорошее высшее образование и не быть тупым барашком в семье.

– Она взрослая. Справится и сама. – Яр наконец-то обращает внимание на меня, но говорит так, словно я в комнате пустое место. Злость переполняет и уничтожает стыд. Его пренебрежение на корню убивает мое желание провалиться сквозь землю. Я задираю нос и скалюсь.

– Да, взрослая, – подтверждаю его слова, делая упор на последнем. – И неплохо справлюсь одна. Без мамкиной юбки.

За столом воцаряется тишина. Тут я конечно переборщила. Яр никогда не держался за мать, всегда старался быть самостоятельным и помогал ей. Но Марина с трудом отпускала сына от себя, словно отрывала плоть от плоти. И мы прекрасно помнили тот момент, когда она не выдержала и рванула следом за сыном в Москву. Боялась, что он не сможет там один, без нее. Отец отпустил жену, а чуть позже и сам съездил в столицу. Навестил их и забрал Марину

обратно, когда та была полностью уверена, что Яр устроился хорошо и ни в чем не нуждается. Поэтому мои слова звучат как брошенный камень в огород Марины, нежели претензия брату, но он принимает оскорбление на свой счет. Да, черт подери, я наконец-то его задеваю.

Злость не просто заполняет меня. Она бурлит и кипит. Течет по венам как лава, обжигая кожу. Неужели он думает, что единственный кто может кидаться оскорблениями и одаривать ледяным презрением? Учусь у лучших!

Я демонстративно складываю салфетку и поднимаюсь из-за стола. Что же, если начала огрызаться, отступить нет причин. Раз я в его глазах сука, то суку и получит.

– Пап, Марин, – одариваю по очереди каждого улыбкой, – спасибо за ужин. Все было классно. Обязательно поблагодарю и Валентину.

Учтивость так и прет из меня. Выслушав сбивчивые ответы от старших, я перевожу взгляд на Яра.

– С приездом, брат, – акцентирую на его нелюбимом слове, складывая перед собой руки. – Надеюсь, эти две недели, проведенные дома, тебе запомнятся надолго.

Ярослав молчит. Да и что ему сказать? Он все еще кипит от злости. Держится, чтобы не испортить и так ужасный вечер и не обидеть мать, если начнет пререкаться со мной. А я, прощаясь, огибаю стол и чувствую, как только что начала войну.

Пусть летит хоть в Пекин, хоть на луну! Мне плевать! Я хочу вытравить его из своей головы. Заставить сердце не биться отчаянной птичкой каждый раз, когда слышу или вижу брата. Хочу просто уничтожить то, от чего так трудно дышать.

Я не люблю его.

Не хочу любить...

Из комнаты я не вылезая до полуночи. Странно, но ни отец, ни Марина не приходят, чтобы вправить мне мозги. Ну, с Мариной я горячусь – она никогда не позволяла себе воспитательных мероприятий в отношении меня, пусть и по призванию была учителем. Наверное, слишком мягким учителем, потому что в школе в итоге не задержалась после замужества. Отец наверняка занят рабочими делами – у его компании новое направление, которое сулит приток денег и рост бизнеса. Кажется, ему всегда будет мало. Но я не влезаю в его дела.

Сейчас меня больше остальных беспокоит лишь один человек, который не так давно вернулся в свою комнату. В этой части дома находятся наши спальни, родительская комната – в противоположном конце коридора. Поэтому я отчетливо слышу шаги брата и глухой стук двери. Но выбираюсь из комнаты не сразу. Меня до сих пор потряхивает от напряжения. Какой бы бравадой я не была преисполнена за ужином, теперь же во мне кипят остатки бесстрашия, и затягивает пучина злости.

Переодевшись в простую длинную футболку и домашние хлопковые шорты, я вправляю ноги в любимые розовые тапочки и выглядываю за дверь. Коридор встречает меня леденящей душу тишиной и блеклым светом ночников. Оглянувшись на закрытую дверь спальни брата, я ступаю бесшумным шагом и прислушиваюсь. Прежняя тишина сопровождает меня до первого этажа. Теперь я могу ступать более уверенно, а не красться по дому как мышь.

Добравшись до кухни, я заглядываю в холодильник и нахожу там бутылку газировки и ванночку с мороженым. Мой ночной зазор перед сном. Выкладывая на тарелку увесистый кусок клубничного мороженого, и рассматривая, как пузырятся газировки в бокале, до меня доносится приглушенное хлопанье. Я вздрагиваю и роняю ложку, за которой тут же наклоняюсь.

– Твою же мать! – рычу сквозь зубы, наблюдая, как капельки мороженого тают на тапочке.

– Ты не меняешься, – слышится из-за спины, и я вздрагиваю, резко выпрямляясь.

Яр стоит на входе и прислоняется плечом к дверному косяку. Он тоже успел переодеться и теперь выглядит по-домашнему. Светло-серые спортивные брюки, майка белоснежного цвета. Я на мгновение закрываю глаза, пытаюсь напомнить себе – я не должна любоваться им. Я должна ненавидеть его.

– Такая же рукожопая, как и раньше, – добавляет брат, продолжая рассматривать меня через прозрачные стекла его неизменных очков.

И зачем очки? Неужели не может позволить себе операцию? Я могу задать эти вопросы и быть по-прежнему резкой и заносчивой, но молчу.

Во мне вскипает желание убраться отсюда как можно дальше, но единственный выход загораживает он.

– Странно, – вдруг выдает брат после молчаливой паузы, затянувшейся на некоторое время.

– Что? – Не выдерживаю и оборачиваюсь, отправляя испачканную ложку в раковину. Аппетит пропал, но еду я все же намерена забрать. Вдруг смогу побороть нервозность и запихнуть кусок в горло...

– Обычно тебя не заткнуть, – отвечает Яр. Его голос звучит глухо и низко. Пугающе низко. – А за сегодняшний день ты не произнесла и пары толковых фраз. Язык проглотила, Аришечка?

Я поджимаю губу и оборачиваюсь. Бросаю в сторону самого классного парня, которого когда-либо знала, молнии и цежу сквозь зубы.

– Язык на месте, Ярославушка. Настроения нет. Ты же приехал.

Он качает головой и усмехается. Вот только то, как изгибаются его губы... Это не улыбка. Это жесткий оскал, которым он одаривает меня.

– Не беспокойся сестренка. Уже скоро уеду. – Надменно бросает, выпрямляясь. Его руки опускаются в карманы. – Просто постарайся держать за зубами свой погнанный язык.

– Как и ты! – вспыхиваю, чувствуя, как с каждым словом Ярослав заставляет меня ненавидеть его еще больше.

Я задыхаюсь от злости, пытаюсь сконцентрироваться исключительно на ней. На ненависти... А не на том, как больно становится в груди, а внутренности жжет от воздуха, который я усиленно проталкиваю в легкие. В носу свербит. Неужели я на грани того, чтобы разреваться как ребенок?

– Вот и договорились, – будничным тоном отвечает Ярослав и поворачивается ко мне спиной.

Он больше не произносит ни слова. Почти бесшумным шагом покидает кухню, и вскоре я слышу, как глухо ударяется другая дверь, ведущая на задний двор. Я оборачиваюсь и замечаю, как мимо окон мелькает его фигура, а в зубах уже зажата сигарета. От некоторых привычек сложно отказаться...

Как и мне...

Как бы я не злилась, я все еще чувствую то, что никак не получается вычеркнуть.

Провожая пустым взглядом брата, я забираю мороженое и газировку, и мчусь во всю прыть наверх. В этот раз мне плевать, как громко я шлепаю тапочками по полу, и услышат ли меня старшие. Я влетаю на второй этаж, добираюсь до комнаты, чудом не расплескав выдохшуюся газировку, и запираюсь в своей комнате. Плюхаюсь на кровать и шумно заглатываю комок. Слезы. Все-таки я дала волю своим чувствам...

Он уедет. Через две недели.

Эти слова не дают мне покоя. Я отставляю на прикроватную тумбочку тающее мороженое и бокал, все еще ощущая, как от злости тело потряхивает, и падаю плашмя на кровать. Зарываюсь лицом в подушку. Давлю слезы, и лишь тогда, когда ткань впитывает всю влагу, а глаза перестает щипать, я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок, подсвеченный настольной лампой.

– Черт! – рычу сквозь зубы и отправляю прочь обиду.

Там на кухне мы вели себя как дети, которые пытались задеть друг друга, но без рукоприкладства. И если я вела себя так исключительно потому, что эмоции шли впереди головы, то Яр как обычно подыгрывал. Он умеет держать чувства под контролем, но и умеет выводить меня на эмоции парой слов. Черт! Я опять проиграла.

Подскочив, я заметалась по комнате, судорожно заламывая руки и пытаюсь придумать, как отомстить ему. Как задеть. Как заставить чувствовать то же самое, что испытаю сама. План родился не сразу и оказался слишком сырым, но лучшее придумать не получалось.

Схватив смартфон с полки, я быстрым движением набираю номер Луизы и жду три долгих гудка, пока подруга не отвечает чуть сонливым и явно возмущенным голосом.

– Ты чего так поздно? – хрипит в трубку подруга.

– Поздно? – я же отвечаю с долей сарказма. Обычно я сплю в это время, а Луиза переписывается с парнями или смотрит ролики, умудряясь листать ленту инсты. Она вообще многофункциональная девушка, но если это касается развлечений и бесполезного времяпрепровождения.

– Ага, – тянет она, зевая в ответ. – Я в кои-то веки решила нормализовать свой график.

– И как успехи? – Вот тут я удивляюсь. Впервые слышу от нее такие слова.

Луиза что-то ворчит себе под нос, но после отчетливо добавляет:

– До твоего звонка получалось. Но теперь к черту мои планы, не так ли? Так что говори, что случилось. Как там твой мозговитый братец поживает? Так же хорош, как на фото?

– Луиз, давай без этого, – наигранно возмущаюсь. – Приехал, поужинали и по комнатам разбрелись. Впрочем, все как обычно.

Подруга заливисто смеется. Вот только я о многом умалчиваю. Например, как я встретила его, и что Яр сказал мне. Как прошел наш ужин или чем закончилась ночная вылазка. Я молчу обо всем, что связывает меня и брата. Потому что какими бы обидными или жестоким не были эти встречи, они все еще наши. Один на один.

– Ну да, у вас это в порядке вещей.

Хмыкнув, я киваю так, будто подруга находится здесь. Сидит напротив и смеется надо мной и моей семьей. А ведь она права – у нас всегда так было. Каждый сама за себя. Отец и Марина, когда были дома, проводили время вместе. Яр обычно запирался у себя и штудировал новые книги. Мне же оставалось либо торчать перед телеком, когда не напрягали с уроками, или таскаться по кружкам и секциям. Правда, я все бросала через полгода, когда мне надоедало быть вечно перепачканной красками или от танцев болело тело. Неугомонная или непоседливая – говорил отец, улыбаясь и пристраивая меня в очередную школу, Рукожопка – так прозвал Яр за то, что у меня ничего в итоге, как бы я не старалась, не получалось. Я обижалась. На брата обижалась всегда, но никогда не признавала того, что он был прав. Возможно, я просто криворукая?

Слезы вновь наполнили глаза.

– Так что случилось-то?

– Ничего особенного. Помнишь, ты сегодня в гости напрашивалась?

Луиза согласно мычит, явно переворачиваясь на другой бок. Звук оказывается чуть смазанным.

– Ты хочешь меня пригласить?

– Да, – усмехаюсь, прикрывая глаза. – Не забудь свой купальник.

– Оу, подружка! Неужели бассейн?

Я хохочу в ответ, припоминая то, с каким обожанием Луиза поглядывает на наш бассейн. В ее доме такого нет. В свое время подруга просила у отца сделать

такой как у нас или хотя бы лужицу «чтобы ноги намочить», но он категорично отказывается каждый раз. Поэтому когда я зову ее в гости поплескаться и позагорать, она как солдатик караулит ворота по утрам.

– Конечно, он самый.

– Ты мой ангел-хранитель! – выдыхает Луиза. – Завтра жди. Как раз ополоснем мой новый купальник.

Я закатываю глаза, припоминая, сколько тоненьких тряпочек она успела приобрести за это лето. Родители обещали ей отправиться на острова после окончания школы, но пока заминка на работе не позволяет им выбраться из страны, а Луизу одну не отпускают. И я даже знаю почему. Теперь будучи свободной от школы и совершеннолетней, она может отчудить что-нибудь, за что будет стыдно всем. Но подруга не отчаивается. Она и дома неплохо проводит время.

– И твой братец будет дома? – томно тянет подруга, вынуждая меня перестать улыбаться и распахнуть глаза. Я пялюсь на прикрытое полупрозрачной тканью окно и выдыхаю.

– Конечно, – ядовитая улыбка возвращается на лицо. – Да, дома.

Глава 5

Мой план не кажется мне гениальным или тщательно продуманным, но на утро, когда Луиза уже входит в дом, я не уверена, что поступаю правильно. Ночью мне виделось все в ином свете. Теперь же я рассматриваю подругу и хмурюсь, хотя стараюсь не показывать истинных эмоций. На Луизе короткие шортики, белоснежная футболка и сумка с походным набором. Она стягивает с носа солнечные очки и улыбается, приветствуя меня беззаботной улыбкой.

– Как делишки, соня? – смеется, рассматривая мой слегка помятый вид.

– Отлично, – изгибаю уголки губ, пытаюсь побороть зевоту.

Этой ночью я почти не спала. После неприятного разговора ночью и обдумывания будущего плана, сон сняло как рукой. Мороженое, газировка и котики на YouTube не помогли мне уснуть до четырех утра. А Луиза, будучи любительницей бассейнов и поездок в гости, не заставляет себя долго ждать. Мы предпочитаем купаться до обеда, когда вода еще прохладная, а солнце не поджаривает кожу до состояния курочки-гриль.

– Идем ко мне. Переоденемся.

Луиза поправляет сумку и мчится следом, стуча шлепками по мраморному полу. Оказавшись на втором этаже, подруга догоняет меня и хватает за локоть. Чуть наклоняется вперед и шепчет, поглядывая в дальний угол.

– А братец-то дома? – произносит, сдерживая глупое хихиканье. Ей богу, будто ей все еще четырнадцать лет, и она взбудоражена наличием парня в доме.

– Да. Дрыхнет, скорее всего, – пожимаю плечами и толкаю дверь в свою комнату.

– Хорошо было бы пообщаться с ним. А то давненько не виделись.

Я киваю, закрывая за нами дверь. В спальне мы не задерживаемся. Через пятнадцать минут полностью экипировавшись, спускаемся вниз и выходим на задний двор. Я скидываю халат, Луиза стягивает тунику. Мы бросаем вещи на лежаки и мчимся к воде. Не пробуя ее ногой, с разбегу влетаем в прозрачную прохладу и визжим как две ошалелые кошки. Подруга хохочет и отплевывается, барахтаясь и плескаясь в мою сторону. Я отвечаю тем же, старательно громко кричу и смеюсь. Мой план начинает работать именно с этого момента.

Бассейн находится ровно под окнами спальни Ярослава. А его окна как оказалось не закрыты, что мне, конечно же, на руку. И теперь он вынужден слушать двух полоумных девиц. Маленькая месть за оскорбления и надменные взгляды. И я не боюсь последствий – против Луизы Ярослав не пойдет. Воспитание не позволит отчитать ее и выставить за порог. Так он может поступать исключительно со мной...

– Ну и водичка! Класс! – хохоча, произносит Луиза, подплывая ко мне.

– Да, отличная, – отвечаю, ощущая, как между лопаток нещадно жжет.

Делаю небольшой маневр, и осторожно поднимаю голову. Приглядываюсь к окнам и вижу его. Чутье не подводит – он наблюдает за нами и явно злится. Это отчетливо читается на его хмуром и заспанном лице. Кажется, у кого-то тоже была бессонная ночь.

– Кстати, а твои где? – Луиза делает круг вокруг меня и отплевывается, когда в ее сторону летит вода. Я отомщена.

– Отец как обычно умчался с утра пораньше в офис. А Марина то ли в магазин поехала, то ли к подругам. Может то и другое. Я не интересовалась.

Луиза хмыкает, протирая лицо от лишней воды. К ее лбу прилипает прядь волос, которую она тут же зачесывает назад.

– Хвастаться к подругам поехала?

Я хмыкаю и киваю. Хвастовством я бы это не назвала, но Марина действительно любит рассказывать про сына. Гордится им. Но все ее слова идут от чистого сердца. Наверное, этим она и зацепила моего отца. Возможно, поэтому я и терплю ее.

– Да, расскажет, как он очередные миллионы заработал, – хохочу и жмурюсь от солнца, которое попадает в глаза. Но не слышу ответа от подруги. Резко распахнув глаза, вижу ее сконфуженное лицо.

– Привет, Яр! – пытается взять ситуацию под контроль.

Я оборачиваюсь, наверное, слишком резко, потому что не справляюсь на воде и черпаю приоткрытым ртом воду. Отплевываюсь и смотрю на брата. Он стоит на краю и сверлит недобрым взглядом исключительно меня, хотя отвечает Луизе.

– Привет. – Голос его звучит хрипло и с нотками раздражения.

– Как дела? Ты же вчера вернулся? – интересуется Луиза, хотя все знает. Это ее маневр по спасению меня из неловкой ситуации. Потому что брат точно слышал мое пренебрежительное отношение к его достижениям.

– Да, вчера, – отвечает он, продолжая вырисовывать на моем лбу мишень. – Думал, она уже разстреляла, – кивает в мою сторону.

Ну, вот опять, говорит обо мне так, будто меня тут нет. Луиза хмыкает, но достаточно глухо, чтобы могла слышать только я.

– Упоминала, вроде бы. Но ты же меня знаешь – в одно ухо влетит, в другое вылетит! – хохоча, произносит подруга и направляется к борту. Хватается за перила лестницы и начинает подниматься.

Я заворожено смотрю на тело подруги и понимаю, что кто-то собирается показать себя во всей красе и привлечь внимание моего брата. Ревность захлестывает меня с каждым шагом, который делает Луиза. Вода ручьем стекает по ее безупречному телу с плавными изгибами и смуглой коже. Бедра и грудь идеально уравнивают друг друга, придавая ее фигуре ту самую форму песочных часов. Крошечное бикини, в которые Луиза влюбилась без оглядки, и скупилась как минимум с десятка различных цветов, идеально дополняет ее природную красоту. Будь я парнем, испытала бы физическое влечение к девушке с такой фигурой. Но я не парень и я ее подруга, которая очень зла.

– Мы помешали тебе? – продолжает щебетать Луиза, огибая застывшего на месте Яра, и направляется к лежаку.

Прогибается в пояснице, оттопыривая два полушария безупречной формы и, подхватив изящным движением полотенце, оборачивается к нему. Яр по инерции следует взглядом за Луизой, и это выводит меня из состояния равновесия. Так и хочется окатить его водой, чтобы злился на меня, а не мечтал трахнуть мою подругу. Он же не мечтает об этом?

– Да, помешали, – отвечает брат, и мне совершенно не нравится, как хрипло звучит его голос. Кажется, мой план просто потрепать его нервишки с утра пораньше летит как товарняк в чертову пропасть.

– Извини. – Луиза наддувает губки, и я узнаю ее излюбленный прием, проверенный временем и десятками разбитых сердец – сейчас начнет строить глазки и канючить. В большинстве случаев такое поведение прокатывает. Никто не может устоять перед ее щенячьими глазками.

– Не стоит извиняться, – заявляю я, не давая возможности Луизе портить мой план или Яру отвечать, бесцеремонно врываясь в их диалог.

Подплываю к лестнице и бодро поднимаюсь, не пытаюсь изобразить из себя сирену. Мой купальник намного скромнее и проще, тело не такое идеальное как у подруги. Бедра узковаты, тонкой талии нет, да и грудь еле дотягивает до стабильной двойки. Еще и волосы я перед бассейном собрала в тугую косу, чтобы не мешались. Поэтому на фоне Луизы я теряю баллы, очень много баллов. Но моя цель не соблазнить братца, а просто портить ему дни, которые он проводит в родительском доме. Поэтому выбравшись из воды, я в несколько шагов добираюсь до лежака, хватаю полотенце и накидываю на плечи.

– Но мы же... – пытается возмутиться Луиза, явно продолжая свою театральную постановку.

– Почти полдень. Взрослым мальчикам пора вставать, а не дрыхнуть до обеда, – усмехнувшись, заявляю я. – Как насчет коктейлей, и позагорать? – обращаюсь к подруге, но получаю в ответ недовольную гримасу. Кажется, я сорвала ее личный план. Теперь понятно, почему из всех купальников она выбрала эти алые тряпочки и ниточки.

– А ты к нам присоединишься? – вдруг заявляет подруга, не оставляя надежды привлечь внимание Яра к себе.

Я украдкой поглядываю на брата и отмечаю его задумчиво выражение. Но он тут же берет себя в руки и решительно отказывается.

– Нет, спасибо Лу, не в этот раз, – на его лице расплывается вполне добродушная улыбка, от которой мое сердце совершает смертельно опасный кульбит в груди и плюхается в районе желудка.

Подруга щебечет и хохочет, вот только я не понимаю ни слова. Я заморожено наблюдаю за братом и растеряно хлопаю ресницами. Он никогда так не смотрел

на меня, никогда так не говорил. Его голос всегда был спокойным, когда Яр держал обстановку под контролем. А в минуты ярости голос дрожал от напряжения. Даже его улыбки, адресованные мне, были вымученными и жесткими, а для Луизы расстарался. Да и она как лужица растеклась и превратилась в идиотку, несущую несусветную чушь. Они продолжают перебрасываться фразачками, суть которых медленно, но уверенно доходит до заплывшего мозга.

– Так значит, в эти выхи к Захару? Круто! – смеется Луиза, потирая ладошки. Я вижу, как в ее глазах сияют искорки. Что-то задумала, и мне совершенно не нравится ее боевой настрой.

– Да, к нему. Собирается с друзьями за городом, – буднично отвечает Яр, явно не подозревая о том, какие отношения у Луизы и Захара, школьного друга моего брата.

– Передавай привет тогда, – уверенным тоном произносит Луиза, поворачиваясь ко мне. – Пожалуй, хочу охладиться. Солнце уже припекает.

Я киваю и безмолвно следую в дом, все еще пытаюсь собрать в голове пазл. Что же я умудрилась упустить...

Луиза следует за мной, ее сопровождает Яр. Они за моей спиной продолжают общаться, и я поражаюсь тому, как им легко это удается делать. Я с трудом нахожу слова, чтобы разговаривать с братом. Потому что в итоге либо я поливаю его помоями, либо он меня. Так повелось с тех самых пор, как Яр оказался в нашем доме. Разница в шесть лет, огромная социальная пропасть и многие существенные причины не дали нам возможности построить приличные отношения. В этом я убеждаюсь раз за разом, стоит мне оказаться с Ярославом в одной комнате. Но сейчас спустя двенадцать лет после того, как наши родители поженились, ничего так и не изменилось. Все стало только хуже. Если раньше я могла все списать на детский возраст или подростковый эгоцентризм, то теперь мне нет оправданий.

– Можно сделать мохито, – заглядывая в холодильник, произношу спокойно, хотя знаю, Яр смотрит на меня.

Он предпочел заглянуть на кухню вместе с нами. Сварить себе кофе и отправиться обратно в комнату – отдохнуть после утомительных перелетов и разъездов, в которых он находился бесконечное количество раз за последние полгода.

– Да давай, – соглашается Луиза, занимая место напротив меня.

Ярослав приближается к холодильнику и удерживает дверь в тот самый миг, когда я вынимаю необходимые ингредиенты. Со стороны может показаться, что он просто помогает, но я чувствую, как его дыхание опалает ухо. Накрывает ладонью мой локоть, крепко фиксируя на месте.

– Не думай, что у тебя получилось меня разозлить, – шепчет так тихо, что и мне с трудом удастся услышать его голос. Луиза вероятно вообще не замечает того, что творится в эти секунды между мной и братом. – Еще выкинешь какой-нибудь номер, и тебе не поздоровится, – произнося угрозу, он опускает руку, ловко обогнув меня, достает сливки и проходит мимо, игнорируя мой удивленный взгляд.

И очень зря игнорирует, потому что вслед за удивлением приходит торжествующая улыбка и хитрый прищур. Я задела его. Нашла слабое место. Луиза ему не нравится, но ее наличие и явное заигрывание как красная тряпка действует на брата.

Так что там подруга говорила про вечеринку в выходные у Захара? Кажется, мне пора на шопинг...

Глава 6

С Луизой я провожу еще полдня. Мы возвращаемся к бассейну и купаемся, пока кожа не сморщивается, а солнце не начинает нещадно палить, грозясь устроить нам загар с кривыми полосками от купальника. Луиза намеревается позагорать без купальника. Мол, никто же не увидит, но я улавливаю ее смешинки, пляшущие в глазах, и наотрез отказываюсь давать разрешения стягивать с

груди купальник. Если хочет аккуратную прожарку, то пусть отправляется солярий, а не привлекает внимание Яра. Не хватало, чтобы он любовался ее бюстом, и невольно вновь сравниваю свое тело с ней. Как же мне не хватает еще одного размера, чтобы стать чуточку аппетитней.

– Так как тебе идея с шопингом? – интересуюсь, когда мы оказываемся в моей спальне.

Луиза наспех принимает душ и, завернувшись в махровое полотенце, расхаживает по комнате. Я сижу на кровати и разглядываю подругу.

Я так и не решилась предложить ей отправиться на вечеринку к Захару. Очень хочу побывать там и подпортить брату выходные, но при этом без приглашения от парня, с которым дружит Луиза, но я никак не контактирую, мне никогда не побывать там.

– Я думала нам того хватит, – напоминает про вчерашний шопинг. – Завтра, кстати, привезут все мои покупки, – гордо заявляет подруга, падая на кровать около меня. – Как хорошо, что я заказала все заранее. Будет что нацепить в выходные.

Услышав ее слова, я замираю на месте и почти не дышу. Кажется, тот самый момент настал.

– Куда-то собралась? – лениво интересуюсь, прикрывая глаза, но при этом продолжая следить за подругой.

Луиза переворачивается на бок и хмыкает, удовлетворенная интригой.

– Да, к Захару. Обсуждали же, – произносит она, растягивая на лице самодовольную улыбку. – Позвал на вечеринку еще в прошлые выходные. Правда, теперь я понимаю в честь чего, то есть, кого он устраивает пирушку.

Я хмыкаю и делаю вид, что мне безразличны цели.

– Кстати, – Луиза тянет слово и задирает голову, рассматривая меня, – давай с нами? Я там мало кого знаю, все из друзей Захара и Яра. Буду как дура шататься

без дела. А так хоть веселее вдвоем.

Пожав плечами, я перевожу взгляд на подругу и вижу, как она вновь строит свои глазки. Ну вот, та самая пора дать слабинку и согласиться, что я и делаю, показательно закатывая глаза и принимая предложение составить ей компанию.

– Да и Яр там будет. Все-таки классно провести время всем вместе. Раньше родители не отпускали нас на вечеринки, а теперь после возвращения твоего брата, тебе точно позволят остаться даже с ночевкой.

От последнего слова во рту появляется слюна. Я жадно глотаю, чтобы промочить горло и, стараясь сохранить невозмутимость, отвечаю.

– Он попытается сплавить меня обратно.

– А ты не попадайся Яру лишний раз на глаза, и тогда он забудет о твоём существовании, – подмигивает подруга, явно не подозревая, что я предпочла бы иное поведение, но вынуждена с ней согласиться и дать слово, что не испорчу всем выходные. Так и решив, мы расходимся. Луиза собирается домой, я провожаю ее до машины.

На парковке перед домом я замечаю, как за нами следом идет Ярослав, который уже успел переодеться в голубые джинсы и светло-серую футболку. На его лице безупречная улыбка, и блестящая оправка очков слепит меня, когда я невзначай засматриваюсь на брата. Все-таки он изменился за последний год. Слишком сильно изменился. Его руки больше не кажутся тощими: мышц сильно не прибавилось, но проступающие вены и натянутые сухожилия говорят о том, что братец теперь предпочитает навещать спортзалы.

Он приближается к нам, и между ним и Луизой вновь затягивается диалог, в котором мне нет места.

– Уже накупалась? – хмыкает Яр, поглядывая на Луизу. Я нахожусь за периферией его внимательного взгляда. Опять пустое место.

– Спасибо вашему дому, – хохоча, отвечает Луиза, поигрывая ключами в руке. – Поедем в следующий.

– Передавай привет родителям. Было приятно повидаться, – произносит Яр. – И видимо я что-то пропустил? – Кивает на машину Луизы. – Давно?

– Неа. – Она отрицательно качает головой. – Отец подарил на день рождение. Ну а на права, ты же знаешь, я еще в шестнадцать отучилась. Осталось еще Аринку подучить, и будем вдвоем кататься. – Подмигнув, подруга поворачивается ко мне.

Ярослав кивает и переводит на меня взгляд. Скользит, не задерживаясь. Ему явно не нравится предложение Луизы, потому что водитель из меня так себе. Я даже не стремлюсь сесть за руль, но встречаясь с презрительным и пренебрежительным взглядом брата, быстро отвечаю.

– Как раз с отцом разговаривала на эту тему недавно, – сложив руки на груди, улыбаюсь, одаривая брата схожей с его улыбкой. – Он хочет мне машину подарить.

Я не лгу, но и не говорю всей правды. Слышу, как Луиза поддерживает идею, явно забыв о моих планах относительно учебы. Но Яр не может знать о наших разговорах с отцом, поэтому изумленно изгибает бровь.

– Тогда удачи, – кидает он, оборачиваясь и прощаясь с Луизой.

Ему плевать на меня и мои желания. Впрочем, как всегда.

Ярослав разворачивается и покидает парковку, направляясь к гаражным воротам. Там его дожидается автомобиль, который брат приобрел годом ранее. Иногда на той машине ездит отец, но большую часть времени она простояла без дела.

– Чего это он? – шепчет Луиза, наклоняясь ко мне.

– Не в духе. – Пожимаю плечом. – Ничего не меняется. Ты же знаешь.

– Да уж, подруга, не завидую тебе. Если бы мне достался такой братец, я бы сошла с ума, – бормочет, поправляя сползающую с плеча лямку сумки. – Но с другой стороны, он твой брат, а не мой, так что я имею полное право любоваться

его задницей! Ты же заметила, как он подкачался? – Подмигивая, она хитро поигрывает бровями.

Я ошарашено смотрю на подругу, после пытаюсь отыскать уже скрывшуюся в гараже фигуру брата. Нет, я, конечно же, обратила внимание, что он изменился, но на его пятую точку не смотрела.

– Характер только не прокачать, – пожимаю плечами, на что Луиза хмыкает, загадочно прикрывая глаза. Ох, не нравится, как она реагирует на брата... Возможно, я сама создала себе лишние проблемы в лице лучшей подруги.

– Ладно, я побежала. Созвонимся.

– Конечно, – касаюсь губами теплой щеки подруги.

Луиза кивает и прощается со мной. Перед самым отъездом она обещает хорошие выходные, о которых я уже начинаю грезить. Ее красная машинка шустро выруливает на дорогу и вскоре скрывается за поворотом, а вот Ярослав явно не торопится покидать гараж.

Я смотрю на пыль, которая медленно оседает на раскаленный асфальт и оборачиваюсь, подозревая, что Яр отправится следом. Не зря же он принарядился и ушел в гараж. Но через минуту и даже две он так и не появляется, и я по инерции иду к гаражу, вместо того чтобы унести ноги в дом и замуроваться заживо в своей спальне. Уверена, брат еще попытается отомстить за испорченное утро.

Тихо приближаясь к гаражу, я почти не дышу. Прислушиваюсь к звукам, и слышу только приглушенный голос брата. Заглянув внутрь, я замечаю его немного согнутую спину, прижатый к уху смартфон и то, как внимательно осматривает Яр машину.

– Да, буду через час, – говорит он невидимому собеседнику. – Заскочу на мойку.

Я не решаюсь войти, чтобы не потревожить опасного противника, но галька под ногами шуршит, и брат резко оборачивается. На мгновение наши глаза

встречаются, и я вижу, как они наполняются раскаленной сталью.

– Захар, я перезвоню позже, – спокойным голосом произносит брат и, перекинув телефон в руку, нажимает на кнопку. – Что тебе надо? – а вот со мной он предпочитает общаться на повышенных тонах и с неприкрытым раздражением.

– Ничего. – Пожимаю плечами, понимая, что я действительно не знаю, что сказать Яру.

Прошел год после нашего нормального общения, когда мы перекидывались более чем двумя фразами за одну встречу. Если тогда он еще интересовался хоть чем-то связанным со мной, пусть даже для галочки, то сейчас Яр предпочитает игнорировать мое присутствие.

– Подружка уехала?

– Да, – отвечаю, замечая в его голосе надменные нотки.

– Значит, наигрались, – продолжает говорить Яр, сохраняя прежний тон.

Я подозревала, что он недолюбливает Луизу, несмотря на то, как она посматривает на него. Но теперь слушая с каким пренебрежением говорит брат о моей подруге внутри я разрываюсь от переполняющих эмоций. С одной стороны я хочу узнать наверняка, что Луиза его не интересуется, даже как временное увлечение, ведь ее легкодоступность известна даже Яру, хотя я и пытаюсь поставить подругу на путь истинный. Но на другой чаше весов за Луизу мне несколько обидно – она отличная подруга и хороший человек, несмотря на ее ветреность и кажущуюся глупость. Под безупречной внешностью скрывается милая и добрая девушка, которую Луиза предпочитает показывать лишь избранным, и Яр в это число не входит.

– Накупались, – поправляю, посматривая на Яра украдкой. Боюсь, что поймет мои смятения, если заглянет в глаза. – В город? – прохожу вперед, закладывая руки за спину.

– И не напрашивайся. Тебя я с собой не возьму, – отвечает, продолжая следить за мной так, словно я достану из-за спины ружье и попытаюсь его пристрелить.

Разве я похожа на преступницу? Хотя, если вспомнить то, как я портила жизнь брату, можно меня счесть таковой.

– И не собиралась, – парирую в тон его голосу.

– Тогда зачем пришла? – Раздражение нарастает и по шкале достигает единиц семи-восемью из десяти.

Я сокращаю между нами дистанцию. Яр продолжает стоять на месте, но я вижу, как его глаз нервно щурится, а нога подрагивает – будто через мгновение он сорвется, и лишь невидимые канаты удерживают на месте.

– Разве я не могу пообщаться с братом наедине?

Я играю с огнем, и уже опалила коготки, которыми могла бы вцепиться в Ярослава, будь он менее сдержанным, а я более рискованной. Но мы оба балансируем на грани, и от этого в горле пересыхает. Я хрипло хмыкаю, поднимая голову, и встречаюсь вновь с его глазами. Корка льда, которой мне всегда представлялись его очки, трещит в моей фантазии. Яр делает шаг вперед и замирает, не вторгаясь на мою личную территорию.

– Арин, лучше уходи, – шипит, опаливая мою кожу теплым дыханием. Какие-то жалкие сантиметры разделяют нас, но никто не готов сделать последнего шага.

– А если не уйду?

– Уйду я. – Яр выпрямляется и, пожав плечами, разворачивается и приближается к своей машине.

Тем временем брат оказывается в салоне автомобиля, который через миг наполняет гараж шумом заработавшего двигателя. Яру требуется не более пяти минут, чтобы покинуть территорию двора, а мне глотать пыль из-под колес и смотреть, как он вновь исчезает.

Я ошарашено хлопаю ресницами и чувствую, как щеки пылают. С каких пор я стала такой? Трусливая Арина Николаевна теряет еще десять баллов.

Глава 7

Как я не стараюсь избежать лишних встреч, отсиживаясь в спальне почти весь день, вечером мне приходится выбраться из комнаты и присоединиться к остальным за ужином. На мои отговорки про плохое самочувствие отец предпочитает не обращать внимания. Тем более повод значительный – посидеть всем вместе и отведать ужин, приготовленный лично Мариной. К стряпне матери Яра я отношусь терпимо, но все же предпочитаю, когда готовит Валентина. Однако сегодня Марина решила вспомнить про свои кулинарные умения и радует нас борщом и пирогом с консервами. Кажется, Яр в восторге от стряпни матери, Марина светится от счастья, да и отец не отказывается отведать домашнюю еду. Я же ковыряю ложкой суп и морщусь от запаха сайры.

– Ну как тебе? – интересуется Марина, переводя на меня вполне счастливый взгляд серых блеклых глаз. Ее сыну цвет глаз достался от отца. Ему, кажется, многое передалось по мужской линии, потому что на мать он почти не похож. А вот на того человека с фотографии даже очень.

Я поднимаю голову и даю благодарственную улыбку, бормоча в ответ заученные перед выходом в столовую слова похвалы. Марина улыбается в ответ и возвращается к еде. Мне удастся ее обхитрить, но не Яра.

– Арин, что-то ты сегодня не разговорчивая, – заявляет отец спустя некоторое время, когда темы для разговора исчерпаны. – Может и правда заболела?

– Нет, просто немного нехорошо, – лукавлю, пытаюсь выбить для себя освобождение от дальнейшего просиживания штанов за столом, изображая примерного члена семьи.

Мы не ужинали так, наверное, год, а то и более. После того, как Яр стал все реже появляться дома, а отцу добавилось хлопот в компании, я предпочитала перекусывать на кухне, а Марина как и положено безупречной жене дожидалась мужа. Сейчас же нарочно или случайно, но традиция с семейными посиделками возрождается, к моему разочарованию. Впрочем, Яр тоже не сильно рад.

– Перегрелась, наверное, – заявляет Марина, нарезаая пирог. – Опять полдня из воды не вылезали.

Про то, сколько я и Луиза находились у бассейна, Марина узнала от Валентины. Домработница докладывает ей каждый раз, когда меня оставляют дома без присмотра. Повелось это еще с детских лет, и тогда мне было совершенно плевать на то, что за мной присматривают. А вот теперь несколько напрягало.

Я хмурю брови, потому что слышу в ее голосе укор. Ей не нравится, как я провожу свободное время, и с кем я его провожу особенно. Марина с трудом терпит Луизу, лишь потому что она дочка делового друга отца, иначе бы ее в нашем доме не принимали с распростертыми объятиями. Марина считает Луизу испорченной, о чем она успела поведать Валентине, ну а та передала мне. С добрым умыслом, конечно же, но осадок остался.

– Может быть, – пожимаю плечами.

– Я говорила, что эти купания в жару ни к чему хорошему не приведут, – пробормотала Марина, подкладывая кусок пирога сыну.

Тот поблагодарил мать, предпочитая так же отмалчиваться за столом, вот только к нему с расспросами не пристают.

– Кстати, я сегодня узнал, – вдруг изо рта Яра вырываются слова, от которых мне становится дурно. Что он еще задумал? – Что наша Арина собирается отучиться на права, – произносит таким тоном, словно насмехается над моими желаниями и не верит в то, что я сказала.

Отец резко поднимает голову и вопросительно смотрит на меня. Вот же черт! Если он сейчас скажет о нашей прошлой договоренности, то Яр выставит меня врунишкой. Но отец на удивление лишь изгибает бровь и поворачивается к Яру, отвечая вместо меня.

– Да, хотела. Я предлагал купить машину, но пока решили повременить.

Ладони как и лоб покрываются испариной, а тонкая ткань футболки прилипает к спине. Кажется, я только что была в шаге от позора. Мысленно благодарю отца и

пытаюсь взять ситуацию в свои руки.

– Хочу отучиться в Москве. Мне же там жить как минимум четыре года, или дольше, – отвечаю будничным тоном, и при этом не лгу относительно второй части.

– Хорошая идея, – одобряет отец. – А раз Ярослав дома, может пока тебе азы показать. Покатайтесь в свободное время.

Я шумно глотаю ком, Яр ошарашено смотрит на отца, но услышав одобрение Марины, сконфужено отвечает согласием, на что я реагирую еще более ошарашено. Черт! Что это сейчас было?

– Да, отличная идея, – кривлю ухмылку, замечая, как лицо Ярослава темнеет от гнева. Неужели думал, что я откажусь от внезапно возникшей идеи как испортить ему сладкую жизнь. – Обещаю, я буду самой прилежной ученицей, – по-детски дую губы, вынуждая брата отвернуться. Он гасит гнев, делая вид, что ему плевать и что пирог матери его привлекает больше, чем то, что творится за столом между нами.

Отец бормочет что-то в ответ и при этом поддерживает меня. Все-таки после наших споров он начинает соглашаться с тем, что рано или поздно мне придется выпорхнуть из родительского гнезда и где-нибудь обосноваться.

– Далеко идущие планы, – протягивает Яр, уминая пирог. Даже поглощать пищу ему удастся с некой аристократической грацией, до которой мне еще расти и расти. Я смотрю на крошки в своей тарелке и желаю поскорее уйти из столовой.

– Как и у тебя, – поднимаю глаза и шлю брату воодушевленную улыбку. – Ты же у нас уезжаешь скоро.

Кажется, его губы подрагивают в немом ответе. Нечто «поскорее бы» читается и впечатывается в память. Он хочет убраться из дома, и это задевает меня так же сильно, как и его пренебрежение. Пауза, повисшая между нами, вскоре нарушается Мариной. Она словно и не замечает напряжения, продолжает рассказывать о том, с кем виделась и с кем общалась, шокируя меня последней фразой, обращенной Яру.

– Сынок, ты же помнишь Елену Денисову? Твою учительницу биологии?

Он кивает, возвращаясь к тарелке.

– А ее дочку помнишь?

– Вера, вроде бы, – спустя секундную заминку произносит брат.

Марина кивает в ответ, а вот мне не нравится ее вопросы. Я насторожено поглядываю за ними, практически перестав жевать.

– Да, Верочка. Она приехала на каникулы. Я как раз собиралась к Лене в выходные. Составишь мне компанию? Лена про тебя спрашивала, и Верочка тоже.

Я шумно глотаю кусок, застрявший в горле, и начинаю кашлять, когда пирог отказывается отправляться в желудок. Яр и Марина оборачиваются, и мне приходится откашляться и выпить воды, чтобы справиться с неловкой ситуацией.

Это что же получается – Марина надумала пристроить своего сынка той самой Вере? Если моя память меня не подводит, то Верочка выглядит настолько жалко и блекло, что тому, кто будет с ней встречаться, придется доплатить. Но Марина, конечно же, не обращает внимания на подобные изъяны, стараясь всегда найти в человеке светлое и позитивное. Уверена, Вера хорошая девушка, но мне становится жаль братца. Интересно, как он поступит? Не обидит же мать отказом? Или согласится и тогда не поедет на вечеринку к Захару? Нет! Я не могу допустить такого поворота событий!

– У Ярослава эти выходные заняты, – отвечаю вместо брата.

За столом воцаряется гробовая тишина. Перестают стучать столовые приборы. Даже тиканье настенных часов тонет в звенящей пустоте. Три пары глаз устремлены на меня. Я же ругаю себя последними словами, которые приходят в эту минуту на ум, но слово не воробей...

– Ой, прости. – Придаю своему лицу глупое выражение. – Я думала, ты говорил про Захара.

Яр кривит улыбку и поворачивается к матери.

– Совсем забыл предупредить. У меня действительно выходные заняты. Встречаюсь с друзьями.

– Даже и пары часиков не найдется? – с толикой грусти шепчет Марина, на что получает отрицательный ответ.

Яр смотрит на меня, и я не понимаю что он хочет сказать, но двигаю губами сама, заставляя того напряжено повести плечом: « Не благодари».

Благодарить он, конечно же, не станет, тем более что Марина теперь расстроена. Я знаю, как она грустит каждый раз, когда ее подруги хвастаются о том, как их дети с кем-то начинают встречаться, знакомят с родителями и даже женятся. Совсем недавно Марина рассказывала отцу как у ее школьной подруги сын, такого же возраста как и Ярослав, женился. Я не уверена, что двадцать четыре года для парня самое то, чтобы ставить штамп в паспорте, но у Марины несколько иные взгляды. Она сама выскочила замуж в восемнадцать, а ее муж был на два года старше. Для нее в двадцать четыре ни разу не привести в дом подружку пугающий звоночек.

– Давай как-нибудь на неделе съездим, – подытоживает брат, стараясь сохранить спокойный голос. Вот только я знаю, что он разгневан, и опять я виновата во всплеске его эмоций.

– Ох, хорошо, – Марина расплывается в улыбке и смотрит с восхищением на сына.

Я мысленно желаю ему удачи на встрече с Верой и ее плеядой прыщей на крючковатом носу. Отравляя последний кусочек пирога в рот, продолжая выслушивать женщину и ее планы на оставшиеся дни, пока Яр будет дома. Кажется, Марина намерена оккупировать сына, занимая все его свободное время. Даже настроение поднимается от того, что он оказывается в подобной ситуации, когда все взгляды направлены на его скромную персону. Не всё только меня обсуждать за столом.

– Марин, спасибо, – поднимаюсь, намереваясь ретироваться первой. Надо бы уносить ноги, пока Яр занят. – Было очень вкусно.

Прощаясь со всеми, я торопливо покидаю столовую, чувствуя, как между лопаток жжет. Так смотрит только один человек, и он явно не в духе.

Оказавшись в своей комнате, я запираюсь и жду, когда Ярослав придет и будет ломиться в дверь. То есть мое воображение рисует подобную картинку, но в итоге понимаю – лишь фантазия. Он никогда не позволит себе ворваться в мою комнату. И в этом я вскоре убеждаюсь. Примерно через час ожиданий я слышу, как он проходит по коридору и удаляется в свою комнату, оставляя после себя приглушенный стук двери. После повисает тишина, и я могу выдохнуть, прикрыв глаза.

– Идиотка, – шепчу подрагивающими от волнения губами и отползаю от двери. Возвращаюсь на кровать и пытаюсь заставить себя уснуть. Но сон не приходит до четырех утра. Я кручусь в постели, просматриваю пестрые ленты в инсте, переписываюсь с Луизой и несколькими школьными подругами, с которыми поддерживаю общение, но сомкнуть глаза удастся лишь тогда, когда за окном светает.

Мой сон не длится долго. Кто-то приглушенно, но настойчиво стучит в дверь. Я с трудом открываю глаза и выбираюсь из теплой постели, на ходу одергивая задремавшую майку.

Глава 8

Открыв дверь, я вижу Валентину и ее улыбку, из-за которой мне приходится подавить злость и желание послать ее как можно дальше и не мешать мне спать.

– Доброе утро, Ариш, – произносит она, рассматривая мой помятый вид. – Меня Ярослав отправил разбудить тебя. Он ждет внизу, – сообщает она и ждет моего ответа.

Я глотаю слюну, пытаюсь промочить пересохшее от внезапного волнения горло, и киваю, обещая спуститься через пятнадцать минут.

– Что ему нужно? – на ходу интересуюсь, когда Валентина уже намеревается уйти.

Она оборачивается и пожимает плечами.

– Не сказал.

– Какое у него настроение? – Чувство подозрения нечто плохого меня не оставляет. Брат никогда не будил меня и уж тем более никого не просил это делать. Что он задумал? Неужели намерен отомстить за вчерашнее?

– Хорошее, – улыбается в ответ Валентина. – Сейчас он завтракает на кухне.

Я киваю, пытаюсь сохранить спокойное выражение на лице. Но уверена, мои щеки побелели от ужаса. Если у Яра хорошее настроение, значит ждать мне беды.

– Передай, пожалуйста, я приду, как окончательно проснусь, – отсрочиваю себе казнь и возвращаюсь в комнату. Смотрю на смятую постель и понимаю – сон пропал и его место занял страх.

Я спускаюсь вниз через полчаса. Как бы я не старалась, мне не удастся выдумать правдоподобную причину, чтобы не оказаться с братом наедине. Даже перелом ноги, который я могу заполучить, неудачно выбираясь из душевой кабины, не оградит меня от его компании. Скорее даже будет на руку, потому что не смогу сбежать.

Поправляя футболку и убеждаясь, что натянула ее правильно, а не вывернутой наизнанку, я вхожу в столовую и нахожу там Валентину. Она убирает со стола.

– А где? – Киваю на пустой стул и чувствую, как сердце радостно ликует. Не дождался и уехал.

– В гостиной, – отвечает она, разбивая мои надежды вдребезги. – Завтракать будешь? – интересуется, пока я разворачиваюсь и намереваюсь отыскать брата. Потому что встречи с ним не избежать, только зря будет гонять Валентину по дому.

– Чуть позже, – хрипло произношу в ответ. Могла бы задержаться, перекусить. Но мой желудок скручивает спазмом. Сейчас не до еды – все равно кусок в горло не залезет.

Я покидаю столовую, прислушиваясь к звукам, царящим в доме, но ничего кроме собственных шагов не слышу. Медленно преодолеваю разделяющие метры и вхожу в залитую утренним светом гостиную. Брата нахожу сразу – он сидит в кресле и что-то быстрыми движениями пальцев строчит на планшете.

– Ну, я пришла, – набираюсь духу и произношу, складывая руки на груди. Останавливаюсь в проходе и прислоняюсь плечом к косяку. – Что хотел?

Яр поднимает голову не сразу. Для начала он завершает то, чем занимался до того момента как я пришла. И лишь после того, как его планшет отложен на журнальный столик, брат отвечает, скользя по мне нечитаемым взглядом, от которого по спине мчится табун мурашек, а на затылке волосы встают дыбом.

– Собирайся, прокатимся, – два слова, а звучат как выстрел в упор.

Я давлюсь воздухом, пытаюсь сообразить, о чем он говорит. И видимо мое замешательство отчетливо читается на лице. Потому что Яр не спеша поднимается из кресла и делает шаг в мою сторону.

– Поторапливайся, Ариша. У меня нет времени ждать, когда маленькие девочки проспят. Жду тебя в гараже через пять минут.

Он уверенным шагом покидает гостиную, огибая меня. В этот момент я дергаюсь, намереваясь пропустить его, но то ли ноги не держат моего тела, то ли нелепая случайность, которую брат в итоге истолковывает по-своему, но я качаюсь из стороны в сторону и толкаю своим плечом его руку. Секундную касание выстреливает во мне тысячами микроскопических иголок, пронзающих кожу насквозь. Яр останавливается на миг и оборачивается. Качает головой и молча покидает комнату, оставляя меня наедине с вспыхнувшими

яркими красками эмоциями. Я поражена настолько сильно, что не сразу понимаю, какие именно эмоции рождаются в моем теле в ответ на мимолетное касание. И хочу повторить это снова. Ощутить и проверить, не ошиблась ли я...

Через пять минут как оловянный солдатик стою напротив гаражных ворот и поражаясь тому, как быстро добралась сюда. Ярослав выходит наружу и, замечая меня, удивлен не меньше.

– Садись в машину, – со словами он находится быстрее, чем я.

Кивая, вхожу в гараж, залезаю на соседнее пассажирское место и жду новых указаний.

– Какая ты смирная сегодня, – с примесью раздражения произносит брат, занимая свое место. Заводит мотор, и через пару минут мы оказываемся за пределами двора.

– Куда мы? – Игнорирую его замечание, крепко цепляясь пальцами за ремень безопасности. Мало ли, может он собирается от меня избавиться в лесу? Глупость конечно, но после того, что между нами происходило все годы нашей жизни под одной крышей, даже я бы сама себя с трудом выносила.

– Через десять километров есть дорога, которой никто не пользуется, – отвечает Яр, проезжая по тихим улочкам нашего элитного поселка. – Там и займемся уроками.

Я шумно глотаю ком и медленно поворачиваю голову. Ярослав выглядят вполне спокойным и сосредоточенным. На его лице по-прежнему поблескивают безупречной чистотой стекла и металлическая оправа очков.

– То есть ты воспринял это всерьез? – усмехаюсь, поражаясь тому, с каким усердием брат спешит исполнять слова отца.

– Разве не ты вчера выразила желание научиться водить?

– Да, но я не собиралась это делать с тобой, – бормочу под нос, рассматривая профиль брата.

– А что ты собиралась делать со мной? – как-то странно произносит последние слова Яр, отчего мои щеки начинают пылать. Ох, как же не вовремя в моей голове возникают ненужные мысли!

Я резко отворачиваюсь, надеясь на то, что он не заметит моего смущения, и ищу отвлеченную тему.

– Слушай, извини, – вырывается из меня то, в чем Яр всегда сомневался: я умею признавать ошибки и извиняться, пусть и не всегда мне приходит в голову сделать это вовремя.

Я поворачиваю голову в сторону брата, ожидая услышать язвительное замечание, но в ответ лишь тишина. Он следит за дорогой и будто бы не слышит меня. Так продолжается минут пять или больше. Между нами словно возникает невидимая звуконепроницаемая стена, и каждый остается на своей половине. И пока я прокручиваю в голове монологи, готовые выдать тирадой, брат замедляет ход и паркуется на обочине. Мы отъехали от поселка на два-три километра, не более, и мимо нас все еще проезжают машины. Значит, до нужного места пока не добрались.

– За что? – Яр продолжает сжимать руль, и костяшки его пальцев белеют от напряжения.

– За то что испортила тебе утро, – выдохнув, произношу и стараюсь сохранить голос, который то и дело пытается сорваться на звук, похожий на мышинный писк. – Да и вообще, как-то у нас не заладилось.

Ярослав громко хмыкает, но позволяет мне продолжить говорить. А я использую момент, чтобы хоть чуточку растопить ледяную стену, которую брат воздвиг собственноручно.

– Тебе осталось провести дома от силы дней десять. Я думаю, нам пора зарыть топор войны и не огорчать родителей. Хотя бы сделать видимость перемирия, – быстро добавляю, чтобы не вызвать у Яра подозрений.

Вот теперь лицо брата вытягивается в немом вопросе, а в глазах я замечаю искорки неподдельного удивления. Мне ужалось его убедить и заинтересовать. Осталось бросить еще одну приманку и рыбка будет поймана на крючок.

– Не смотри на меня так, – смущено отворачиваюсь. Смущаюсь не наигранного, а по-настоящему. Мне все еще боязно разговаривать с ним так, особенно когда приходится врать ради собственных интересов. – Я вообще-то вчера спасла тебя от прыщавой Верочки. Ты ее не видел сколько лет? А я вот встречалась на новогодних праздниках. Поверь, она еще та прилипала.

На губах Яра расплывается улыбка. Кажется, он начинает припоминать дочку маминой подруги и между нами наконец-то воцаряется спокойная обстановка, когда никто никого не желает придушить. И пусть затишье продлится недолго, но для меня это время для передышки и новый шаг к осуществлению задуманного.

Я слишком много совершила ошибок в прошлом, чтобы Яр простил меня за раз. Нужен новый план. Тот, который позволит затишье обратить в буйство эмоций. Я заставлю брата думать обо мне в ином ключе.

– Точно, прилипала, – произносит он, вновь заводя мотор и возвращая машину на дорогу.

Оставшуюся часть пути мы преодолеваем в тишине. И лишь когда Яр сворачивает на пустую дорогу, я понимаю – у меня получилось. Пусть чуточку, но я сдвинулась с места.

– Пересаживайся, – говорит он, покидая салон.

Я выпрыгиваю следом и с дрожащими ладошками возвращаюсь в салон уже на его место. Чувствуя, как подо мной хрустит кожаная ткань обивки и тепло окутывает мое покрывшееся мурашками тело.

Мгновения для меня достаточно, чтобы ощутить его пусть и так – косвенно и призрачно. Я гоню прочь волнения и киваю, когда Яр начинает рассказывать про устройство автомобиля. Много я знаю и без его лекции, но как и положено прилежной ученице слушаю не перебивая, повторяю если просит пересказать, задаю вопросы, когда он увлеченно уходит в дебри технического устройства и

спустя минут тридцать, которые кажутся мне бесконечно длинными, Ярослав позволяет завести мотор и тронуться с места.

Я лукавила, когда говорила что водитель из меня так себе. Не так хороша, как Луиза или брат, но благополучно трогаюсь с места и легко веду машину по пустой дороге. Яр молчит и наблюдает за моими движениями.

– Арин, – произносит мое имя, задумчиво растягивая буквы.

– Ммм, – тяну в ответ, крепко держась за руль.

– Неплохо получается, – голос брата звучит вполне уверенно. – Только руки держи вот так.

Его ладонь падает на мой локоть и направляет руку в то положение, про которое он говорил совсем недавно. Я втягиваю полной грудью воздух и фиксирую в памяти новое касание, от которого волоски на коже встают дыбом. То место, где его теплые пальцы касаются меня, загорается пламя. Я заставляю себя думать о дороге, о машине и о том, что сейчас не самый лучший момент фантазировать о Яре. Впрочем, и он не торопится убирать руку. Поправляет мой локоть, скользит дальше, оставляя за собой горячую дорожку из искр, которые высекает мое тело в ответ на касания, и опускается на ладонь.

– Держи прямо, – плавно направляет руль.

Наши пальцы на долю секунды переплетаются, и мне кажется, что я сойду с ума. Настолько горячим и опасным выглядит для меня то, что для брата лишь часть обучения. Я еще крепче сжимаю руль и выполняю его наставления, и тогда его рука оставляет в покое мою ладонь.

Глава 9

Ярослав

Я не узнаю Арину.

Смотрю на девушку, сидящую рядом и крепко цепляющуюся за руль, и будто вижу ее впервые. Даже приходится зажмуриться на миг, чтобы развеять иллюзию, но когда я открываю глаза и продолжаю искоса подглядывать за ней, вижу ту же чужую и неизвестную для меня девушку.

Внешность пусть и изменилась за год, который мы не виделись, но не так же кардинально, как ее характер! Где та мелкая сучка, которая предпочитала изводить меня круглыми сутками? Почему ее поганый ротик сейчас закрыт и пухлые розовые губы плотно сжаты? Почему она, черт подери, молчит так, словно набрала воды в рот?! Я готов зарычать и выругаться вслух, пытаюсь задеть ее... Пытаюсь вернуть прежнюю Арину, которую знал многие годы. С тех самых пор, как впервые встретил.

Маленькая избалованная девочка шести лет, смотрящая на меня огромными серыми глазами. Тогда мне показалось, что она уже считала себя выше и лучше чем я – обычный парнишка и сын школьной учительницы, которой приходилось тянуть себя, меня и больную мать-инвалида. То, что мама встретила Николая спустя многие годы после их школьной дружбы, поражает. Но тогда за гранью казалось иное – Николай не просто поддержал прошлое знакомство, он забрал нас из коммуналки, помог устроить бабушку в больницу, где она вскоре скончалась от серьезных осложнений на сердце, и в итоге женился на матери, дав нам безбедную и беззаботную жизнь. В их чувства я верил с трудом, пока не присмотрелся, отменяя любые сомнения прочь. Они любили друг друга и желали нам счастья.

Вот только наличие маленькой дочери у Николая меня несколько выбило из колеи. Был бы лучше пацан.

Я не знал как вести себя с надоедливой девчонкой. Не знал, что нужно говорить, чтобы она через пять минут не закатывала истерики и не дула пухлые губы, убегая жаловаться отцу или домработнице. Я пытался оградить себя от бесконечного шума, который всегда сопровождал Арину. Где она – там и крики, гам, танцы, неразбериха. Она как маленький хаос ворвалась в мой кокон и попыталась уничтожить свирепым торнадо спокойный распланированный до деталей мир.

Арина была такой всегда. Не только в шесть. Но в семь, и в восемь. Она не могла прижать свою тощую задницу и посидеть хотя бы полчаса, не издавая звуков, не требуя чего-либо и не пытаясь вывести меня из состояния равновесия. Я же отличался от нее от слова совсем. Мама считала это особенностью характера, бабушка говорила про воспитание, а школьный психолог списывала на то, что я был единственным сыном, который принял на себя часть забот, которые обычно накладываются на старшего члена семьи мужского пола. Иными словами я пытался быть взрослым в свои двенадцать лет. Тогда-то, еще до встречи с Николаем и его маленькой бестией, я планировал окончить школу после девятого класса. Пойти на вечерку в колледж и работать. Я собирался взять семью под свое крыло и уж точно не был готов оказаться в доме, где уже был тот, кто мог позаботиться и обеспечить семью. Наличие мужчины, который не стал для меня отцом, хотя и пытался, стало неким ударом по детской психике. С трудом, но я смирился с выбором матери, поддержал ее в особо сложные моменты и распланировал свою будущую жизнь по иному, с учетом новых данных. Так моей новой целью стало посвятить себя полностью учебе, благо давалась она мне легко, и покинуть дом Николая после одиннадцатого класса, поступив в отличный вуз. Тогда бы для меня открылись иные пути, благодаря которым я сейчас имел то, о чем не мог мечтать в двенадцать. Образование, удачный стартап, который принес мне солидную сумму на банковский счет, четкие цели, которые я планировал достигнуть уже в Китае.

Но опять Арина, с которой я не хотел бы видеться по многим причинам, ворвалась в мою жизнь. И пугала тем, что я ее не узнавал.

Кто эта девушка, сидящая рядом? Я попытался припомнить все детали, присущие исключительно ее раздражающей натуре. Ее противный высокий голос, когда она ругалась и кричала на меня. Ее шалости, обернувшиеся в итоге тем, отчего мне еще долго отмываться. Ее пустую голову, в которые с трудом удавалось впихнуть новые знания. Матери пришлось повозиться, чтобы Арина получила свой аттестат «без троек».

Ох, когда мама сказала об этом, я еле сдержался, чтобы не заржать в голос!

Бедная Арина! Если бы она знала, как мне смешно до сих пор вспоминать. Но ради мамы и ее святой веры в девчонку я сдерживаюсь и помалкиваю, но колкости, которые она обычно бросала в мой адрес, теперь ответным порывом рвутся из меня. Но я теряюсь, рассматривая девушку, и давлю эмоции, потому что не хочу разрушить то, что вижу впервые.

Арина для меня совершенно непонятный человек. Куда делась прежняя? Так и хочется остановить машину, вытащить ее из салона и встряхнуть. Крепко-крепко схватить за плечи. Держать и трясти, держать и требовать, чтобы маленькая сучка показала свои зубки.

Но я не могу позволить себе эмоции. Только не с ней... Иначе она поймет, как глубоко сидит под кожей. Как тяжело не думать о ней. И все мое ледяное спокойствие, о котором она всегда отзывалась с пренебрежением, разобьется как корабль о скалы. Я лгу ей не меньше, чем она мне. Я лгу сам себе.

Прежде чем вернуться домой спустя год после отсутствия я несколько дней занимался самовнушением: не смотри на нее, не думай о ней. Не слушай ее звонкий голосок и не позволяй зацепить словами, которые с чудовищной скоростью вылетают из милого ротика. Нет, ее ротик не милый! Так и хочется заткнуть его. Заставить молчать. И, кажется, моя мечта сбылась. Арина почти не говорит со мной, а если и вырываются хоть какие-то звуки, то это короткие фразы. Недостаточно для того чтобы задеть меня. Слишком мало...

Да, она пыталась. Я видел, как она хотела возмущаться за столом или когда приезжала ее не менее шумная подружка. Когда я понял, что Арина изменилась, то списал это на некий уговор между ней и родителями. Вскоре убедился – я ошибся. Договоренностей засунуть тиранию Арины в темный закуток не было. Она просто сама изменилась. И за внутренними изменениями, которые оказались для меня сенсацией и поводом задуматься, я заметил, как Арина изменилась и внешне. На первый взгляд все та же – серые глаза, которые теперь она чаще щурила или вовсе прятала, отворачиваясь; поджатые губы, словно давила желание сморозить глупость или выплюнуть яд. То, как отводила руки за спину или наклон головы в сторону, отчего ее длинные волосы рассыпались по плечам.

Я долго не мог уснуть. Прокручивал в голове все, что произошло за пару дней после моего приезда. Больше всего я был поражен, когда впервые ее увидел. Влетела в холл, уставилась на меня, нервно поправляя коротенький сарафан. Кто вообще выпустил ее из дома в этой тряпке?! Будь Арина моей дочерью, я бы не позволил ей расхаживать по городу в том, что не скрывает тела. Черт! Я смотрел на нее так, будто впервые понял, что у малявки Ариши появилась грудь и выросли длинные ноги. С трудом заставил себя не смотреть на тело той, кого должен называть сестрой, но не называю. Она никогда не была для меня близким человек и никогда не будет.

Ночью я придумывал собственный план, как позлить чертовку. Дать себе повод разозлиться на нее. Злиться сильнее, а не заставлять себя испытывать сводящее судорогой чувство. Но на удивление мой план поднять ее с утра пораньше не увенчался успехом. А ведь раньше ее невозможно было вытащить из постели. Сколько билась мама и Валентина, собирая девчонку в школу! А тут как по звонку прибежала и даже не возмутилась. И что хуже согласилась на мои уроки. И какой черт дернул меня за язык сказать именно это?! Но нужен же был повод...

Я дурак. Вот теперь и расхлёбываю, учу надоедливую девчонку и поражаюсь тому, как она схватывает налету, не перебивает, не ворчит и уверенно держится за рулем. И это после получасового нудного объяснения основ! Я превзошел себя, углубившись в такие дебри, про которые новичкам в автошколах никто не рассказывает. А она слушала! Черт! Аринка меня поражает все больше и больше. Я даже готов простить то, как она прикусывает губу.

Нет, нельзя думать о ней!

Я возвращаю взгляд к дороге и продолжаю давать наставления.

– Арин, – произношу ее имя, привлекая внимание. Ловлю себя на мысли, что мой голос звучит несколько иначе, чем я привык слышать.

– Ммм, – растягивает в ответ, отчего внутри неприятно звенит. Не нравится мне это звук. Слишком неправильный. Низкий, утробный. Словно кошка мурчит. Я украдкой поглядываю на девушку и вижу не то, что ожидал: она внимательно смотрит на дорогу, крепко сжимает руль. Ей не до меня.

– Неплохо получается, – срочно нахожусь со словами, чтобы не выдать своего изумления. Хвалю ту, которая с трудом достойна этих слов от меня. – Только руки держи вот так.

Я кладу ладонь на ее локоть и поправляю, не думая о последствиях. Не подозревая, что могу почувствовать, стоит мне коснуться теплой руки. Арина на миг вздрагивает, и я не уверен – от испуга или от нечто иного... Того же, что и вспыхивает во мне... Волнение. Я ощущаю кожей ее жар, мелкие мурашки, рождающиеся под пальцами. Скольжу ниже, проверяя то ли себя, то ли ее. Реакция неизменна.

– Держи прямо, – плавно направляю руль, удерживая свою ладонь на ее тонких пальцах.

Слышу, как Арина громко выдыхает. Перевожу взгляд на ее щеки и изумляюсь – она покраснела. Это злость? Или смущение...

Мысли лихорадочно снуют в голове. Я не верю тому, что вижу. Не верю в то, что Арина умеет смущаться и так дрожать... Из-за меня?

Я осторожно убираю руку, потому что боюсь испугнуть. Боюсь уничтожить момент, о котором я даже не мог мечтать. Да и не имел права.

Пора проснуться и вернуться на грешную землю.

Арина – мой враг. Опасный противник, от которой лучше держаться как можно дальше.

– Там притормози. – Указываю на расширение дороги. – Развернемся.

Арина выполняет новое задание. Довольно проворно разворачивается и обратный путь мы преодолеваем в тишине. И лишь на отправной точке, когда Арина плавно тормозит и глушит мотор, я могу дышать спокойно.

– Наверное, я должен похвалить тебя. – Изгибаю губы в улыбке, все еще с трудом пытаюсь подобрать слова.

Арина хмыкает и задирает подбородок. Вот сейчас она похожа на себя прежнюю. Я жду колкости или резкого заявления, но ошарашено пялюсь на девушку, когда она благодарит.

– Спасибо. – Одно слово, а какой спектр эмоций вызывает во мне! От удивления и неверия собственным ушам, до раздражения, готового превратиться в злость.

Нет, такая Арина мне определенно не нравится. Потому что я ее не понимаю. Я не знаю, что мне ждать от девушки...

Глава 10

Брат остается в гараже, а я волочу ватные ноги домой. До сих пор не верится что мы были вместе пусть и час, но наедине. Я щипаю себя за руку и чувствую острую боль. Нет, не сон. Мы действительно были вместе и даже не поругались! Он не вспылел, я не превратилась в истеричную дуру. Кажется, мне стоит похвалить себя. Молодец, Арина Николаевна, вы только что вернули десять баллов. И вот вам еще десятку за примерное поведение.

Глупо улыбаюсь и в бредовом состоянии добираюсь до своей комнаты. Переодеваюсь, надолго задерживаюсь перед зеркалом и вижу как щеки начинают пылать, стоит мне вспомнить как Яр касался меня в машине. Для него конечно же ничего не значит, ну а я объята пламенем. Все тело горит и трепещет. Так и хочется вернуться в прошлое, отмотать до этого момента и нажать на паузу, чувствовать вновь и вновь. Впитывать его прикосновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/luk-yanova_viktoriya/svodnye

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)